

Наталья Солнцева

Эликсир для Жанны д'Арк

Глория и другие

Наталья Солнцева

Эликсир для Жанны д'Арк

«АСТ»

2014

Солнцева Н. А.

Эликсир для Жанны д'Арк / Н. А. Солнцева — «АСТ»,
2014 — (Глория и другие)

ISBN 978-5-17-081776-4

Красивый загородный дом, практически патриархальная усадьба, счастливая семейная пара, разведение породистых лошадей, библиотека старинных книг... Ну чем не идиллия!? В закрытом подвале под семью замками колдует вместе с хозяином странный монах: варит какие-то зелья и смотрит на окружающих своими злыми пронзительными глазами... А в округе пропадают девушки и на обледенелом от стужи дереве появляются веночки... Что происходит в этом загадочном мирке? Сможет разобраться только Глория. Кому как не ей под силу протянуть тонкую ниточку связи от костра, на котором пылала Жанна д'Арк к девушке, которая не смогла выбраться из горящего дома?

ISBN 978-5-17-081776-4

© Солнцева Н. А., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Дорогой читатель!	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Наталья Солнцева

Эликсир для Жанны д'Арк

© Солнцева Н., 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя.

И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

С любовью, ваша

Наталья Солнцева

Все события и персонажи вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Раздавленный своей тоскою, он упрямо ищет всюду ее умолкший голос,

Вера в чудо, которое окажется щедрей, чем смерть».

(Хорхе Луис Борхес)

Глава 1

– Бух!.. Бух!.. – ломик с тяжелым стуком вгрызлся в мерзлую почву. – Бух!..

Из-под перемешанного с землей снега показался металлический люк. Несколько ударов, и его удалось открыть. В другой раз такой люк пришлось бы долбить целый час.

Порой у человека появляется сила, способная горы свернуть. А порой он не может пошевелить и пальцем. Жаль, что нельзя вызывать эту силу по желанию. Она приходит или не приходит, подчиняясь не земным законам, рассчитанным и предсказанным, а неким загадочным *обстоятельствам*, необъяснимым с точки зрения логики и ума.

В самом деле, какая логика была в том, чтобы два юных создания, которым жить бы да жить, вдруг оказались здесь, в пустынном заброшенном месте, ожидая, пока им выкопают могилу? Они были мертвы и лежали на снегу, словно две неподвижные куклы, залитые лунным светом.

Тот, кто копал могилу, не смотрел на них. Он был поглощен своей работой. Он торопился. Времени у него было совсем мало. Минуты истекали с пугающей быстротой.

«Давай, пошевеливайся! – командовал кто-то внутри него. – У тебя осталось меньше получаса! Тебе пора сматываться!»

Он заглянул в черное подземелье, откуда пахло сыростью и плесенью. Вниз вели ржавые железные ступени. Луна не проникала в разверстую дыру, и человек направил туда луч фонаря. Лестница была засыпана мусором. Откуда он тут взялся?

«Не о том думаешь, – отозвался злой невидимка. – Отвлекаешься! Напрасно тратишь драгоценные мгновения!»

– Твоя правда, – пробормотал человек и осторожно спустился вниз, светя себе фонарем. – В крайнем случае оставлю их здесь. Просто сброшу в люк, и все.

«Слишком легко, – возразил невидимка. – Неинтересно. Какой у них будет вид, когда их обнаружат? Ужасный! Закопай их, как собирался. Не ленись!»

Человеку стало не по себе. Зато невидимка наслаждался происходящим. Ему все нравилось: и ледяной холод наверху, и затхлый воздух подземелья, и мертвые тела, и страх сообщника, и дыхание смерти, которое явственно ощущалось в этом мрачном месте.

«Смерть притягивает смерть! – ликовал он. – Чувствуешь ее дыхание, мой друг?.. Ощущаешь ее сладостную неотвратимость?.. Она уже здесь!.. Ждет!.. Не обмани ее ожиданий!»

Человек выбрался наверх и взвалил на плечо мертвую девушку. Ее рука с глухим стуком ударялась о ступеньки, когда он спускался. Он положил тело на грязный пол и поднялся за вторым трупом.

Обе девушки лежали на полу, как живые. Поразительно, что именно так говорят об умерших, которых еще не тронуло тление.

– *Как живые!* – пробормотал тот, кто привез их сюда, и принялся копать могилу.

Жизни свойственна текучесть, незаконченность. Смерть же – это конец. Кто посягнет на это ее неотъемлемое право, будет сурово наказан. Так было всегда... и так будет. Безумцев, рискнувших бросить ей вызов, ждет неминуемая расплата...

* * *

Москва. Год спустя.

Начальник охраны раз за разом откладывал разговор с боссом. Понимал: после этого одному из них придется уйти. И вряд ли это будет глава компании.

Сегодня он наконец решился.

Колбин сидел у себя в кабинете и перебирал бумажки. Его яйцеобразный череп блестел в свете лампы.

– Чего тебе? – недовольно поднял он голову и поправил очки. – Не видишь, я занят?

Лавров давно готовился к подобной беседе. Рано или поздно тот из них, у кого первого лопнет терпение, поставит точку в напряженных отношениях. Скрытое соперничество между начальником охраны и его боссом накаляло обстановку в офисе и вредило работе. До сих пор оба мирились с положением вещей. Теперь кое-что изменилось.

– Ты хотел меня убить, – с наслаждением произнес Лавров, нарушая не только правила вежливости, но и служебную субординацию. – Ублюдок! Думаешь, я ничего не успел заметить в темноте? То была твоя машина, козел!

Обычно бесцветное лицо Колбина пошло красными пятнами. Он пошевелил губами, не издав ни звука.

– Помнишь, по дороге в Черный Лог ты попытался меня сбить¹? – продолжал начальник охраны. – Не вышло.

– Ты... в своем уме? – выдавил Колбин. Его маленькие глазки за стеклами очков испуганно сверкнули. А ну, как этот псих накинется на него с кулаками да, пожалуй, отдубасит? С него станется.

– Возомнил, что Глория выйдет за тебя замуж?

– Вон... отсюда...

Колбин собрался было позвать охрану, но сообразил, что главный охранник стоит перед ним и его визит не предвещает ничего хорошего.

– Я больше не твой подчиненный, – улыбнулся Лавров, без приглашения усаживаясь на стул и забрасывая ногу на ногу. – И не обязан выполнять твои указания.

– Хам! – пискнул хозяин кабинета, ощущая предательскую дрожь в поджилках.

– А ты – убийца, преступник.

– Если бы я... хотел тебя убить... ты бы уже был мертв, – с трудом вымолвил Колбин.

– Ха! Как бы не так! У тебя кишка тонка.

– Это мы... еще поглядим, – процедил босс, собираясь с духом.

– Ну, погляди.

Лавров сделал характерный жест, запуская руку под пиджак, словно вот-вот выхватит оружие и в припадке агрессии разрядит всю обойму в ненавистного соперника.

Колбин помертвел и застыл в своем кресле восковой фигурой.

– Что, струхнул? – захохотал начальник охраны. – Смотри, не обделайся.

Ему показалось, босса хватит удар. Тот дернулся, судорожно сглотнул, но, увидев, что нападения не последовало, нашел в себе силы погрозить наглецу пальцем.

– Ты уволен! И не надейся, что Глория тебя защитит. Хоть она и совладелица компании, но решения тут принимаю я.

– Не рассчитывай на ее взаимность! – отрубил Лавров. – Зачем молодой красивой женщине такой плешивый пузатый урод?

Колбин, который не отличался внешней привлекательностью, задохнулся от обиды и не сразу парировал его выпад.

– Го... голодранец! – обрета дар речи, взвизгнул он. – Голь перекатная, вот ты кто! У тебя ни мозгов, ни денег! Нынче мужик с пустыми карманами никому не нужен.

– Карманы – не главный аргумент в любви.

– Ах ты, герой-любовник! – вышел из себя босс. – Жиголо чертов! Иди, ищи себе работу мальчика по вызову! Там тебе самое место. Убирайся!

---

¹ Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Джоконда и Паяц».

– Петух бесхвостый, – презрительно фыркнул Лавров. – Сколько раз Глория давала тебе от ворот поворот? Ее тошнит от твоей кислой рожи!

– Жаль, что я не прикончил тебя тогда на шоссе, – не выдержал Колбин. – В тот раз тебе повезло. Успел отскочить.

– Таким, как я, всегда везет.

– Сколько веревочке не виться...

– Заткнись! – вспыхнул начальник охраны. – Не то я за себя не ручаюсь! Ты меня не уволишь, потому что я сам уйду. Вот!

Он достал из кармана заготовленное заранее заявление об уходе и со стуком положил на стол перед боссом.

Колбин вдруг осмелел, у него открылось второе дыхание. Радость, что наконец-то он избавится от Лаврова, окрылила его.

– Тем лучше, – ухмыльнулся он. – Ты поступил правильно, Рома. Служебные обязанности давно тяготили тебя. Займешься теперь своим любимым делом – будешь флиртовать с женщинами и соблазнять их. Ни на что иное ты не способен.

– Полагаешь, я развязал тебе руки? Не рассчитывай жениться на Глории. Она не для тебя.

– Разберемся.

– Зря ты слюни распустил, Петя. Этот лакомый кусочек тебе не достанется.

– Время покажет.

Уже бывший начальник охраны встал, бросил на Колбина уничижительный взгляд, развернулся и направился к двери.

– Никто и ничто не заставит меня взять тебя обратно, придурок! – крикнул тот ему в спину.

Лавров вышел из кабинета уже не сотрудником компании «Голицына и партнеры», а свободным человеком. Это новое для него ощущение вызвало эйфорический подъем, который быстро сменился замешательством.

Должен ли он съездить в Черный Лог и доложить Глории о своем нынешнем статусе? Хоть она и обещала в случае увольнения взять его к себе помощником, Романа такая перспектива пугала. Одно дело просто оказывать Глории услуги и выполнять ее поручения, другое – перейти в непосредственное подчинение к ней и заниматься только частным сыском. Причем сыск этот будет весьма специфического свойства, на грани некоего шаманства.

Лавров без сожаления сплюнул в сторону офиса, который покинул, и пересек засыпанную снегом стоянку, где его ждал черный «Фольксваген-туарег», приобретенный Глорией лично для его нужд. Чтобы он не пользовался служебным внедорожником, но в то же время был всегда на колесах. Теперь ему нужно было определиться с машиной.

– Ну что, друг? – похлопал он автомобиль по капоту. – Будем прощаться?

«Машину можешь оставить себе, – прозвучало у него в ушах. – Это мой подарок. На память о наших совместных приключениях!»

– Опять ты выдаешь желаемое за действительное, Рома, – буркнул он себе под нос и уселся за руль. – Ты неисправимый фантазер.

Глава 2

Подмосковье, деревня Черный Лог.

– Машину можешь оставить себе, – сказала Глория и взмахнула ресницами. – Это мой подарок.

– На память о наших приключениях? – улыбнулся Лавров, переживая *дежавю*. – Где-то я уже слышал эти слова.

– Ты все-таки подумай насчет моего предложения. У нас с тобой неплохо получалось распутывать клубки.

– Я подумаю, – пообещал он. – Но сейчас мне необходим отдых.

Глория принимала его в каминном зале, где со стен смотрели с портретов незнакомые мужчины и женщины. Впрочем, одного из них Лавров мог назвать по имени. Это был граф Сен-Жермен, авантюрист, алхимик, предсказатель и тайный агент французской короны.

Хозяйка перехватила его взгляд и усмехнулась.

– Хочешь, мы научим тебя выигрывать в казино?

– Кто «мы»? Ты и граф?

– Когда-то именно он раскрыл моей дальней родственнице секрет трех карт.

– Тройка, семерка, туз? Нет уж, спасибо, – покачал головой Лавров. – Я читал «Пиковую даму» и помню, чем все закончилось. Судьба Германна меня не прельщает.

– Он взял грех на душу, потому и поплатился.

– Я хочу покоя, – отмахнулся гость. – Уеду куда-нибудь в глушь, буду рыбачить, охотиться, собирать грибы в лесу.

– Оставайся у меня. Лес рядом, речка кишит рыбой, грибов осенью хоть косой коси.

– Вынужден отказаться, – вздохнул Роман. – Хочу побыть один, подумать обо всем, успокоиться. Мне надоели людские дразги и суета. Денег на жизнь пока хватит, а потом что-нибудь подвернется.

– Что?

– Заработок. Я найду, чем заняться.

– Как знаешь, – легко согласилась Глория. – Поезжай. В одиночестве есть своя прелесть.

Эта легкость насторожила бывшего начальника охраны. Он слишком хорошо изучил хозяйку, чтобы поверить в ее отступление.

– Куда ты решил направиться? – спросила она.

– Приятель к себе зовет, – неохотно ответил Лавров. – В пансионат на реке Протве. Заповедные места, воздух чудесный, лес, зимняя рыбалка, лыжная трасса. Как раз для меня. Покатаюсь, подышу, развеюсь. Выброшу из головы все лишнее.

Он переживал душевный кризис, причины которого лежали в неопределенности его отношений с Глорией.

«Гусь лебедю не пара», – нашептывал ему внутренний голос. В принципе Лавров был того же мнения. Но сердцу не прикажешь. Его влекло к этой странной и загадочной женщине. Быть рядом с ней оказалось испытанием, которое он не выдержал.

«Ты провалил экзамен, Рома, – нещадно критиковал он себя. – Совершил ошибку, которой нет оправдания. Думал, клин клином вышибают? Только не в твоём случае, брат. Ты проиграл. И должен уйти с дороги. Уехать подальше от Глории, чтобы забыть ее, остудить свой пыл и научиться холодному благоразумию. Она не для тебя, парень. Смирись и не выставляй себя на посмешище!»

Приглашение погостить в подмосковном пансионате «Лель» пришлось как нельзя кстати.

Славик Орешкин, бывший сотрудник охранного агентства, с которым Лавров раньше работал, устроился туда по протекции своего дядюшки. После испытательного срока его взяли в штат, а через год повысили до администратора.

«Головокружительная карьера, – смеялся Орешкин. – Если серьезно, должность не ахти, зато платят сносно. Не то что в агентстве. Машину взял в кредит. В общем, жизнь бьет ключом».

«А мне похвастаться нечем, – признался Роман. – Полный абзац. И на личном фронте, и на работе».

«Ты ж вроде в солидной фирме трудился, начальником».

«Был начальником, стал безработным. С боссом характерами не сошлись. Достал он меня».

«Бывает, – посочувствовал Славик. – Помнишь, как я из агентства уходил? Со скандалом. А теперь даже рад, что так получилось. И ты забей! Все образуется, Рома. Где наша не пропадала?»

Поболтали о том, о сем. Орешкин обмолвился, что в пансионате иногда отдыхают «большие шишки», любители отечественной природы и традиционных развлечений – парной бани, исконно русской кухни, подледного лова и охоты.

«Приезжай, сведу тебя с нужными людьми, – пообещал Славик. – Хорошие сотрудники на дороге не валяются. А ты один из лучших. Я буду твоим поручителем».

Лавров поблагодарил и... отказался. Опять под кого-то подстраиваться, кому-то угождать, перед кем-то отчитываться? С него хватит. Он этого «добра» наелся досыта. С души воротит.

«Я уж как-нибудь сам о себе позабочусь. Отдохну, соберусь с мыслями. Может, частную деятельность оформлю. Не знаю пока».

«Тебе виднее, – не стал его уговаривать бывший коллега. – Погостишь у нас, отдышишься после Москвы. Я тебя в баньке попарю, березовым веничком! Вся хандра пройдет. Природа лечит. Я тебе номерок забронирую, со скидкой. Ну, как?»

Лавров медлил с ответом. Предложение заманчивое, но по карману ли ему такой отдых? Орешкин уловил колебания товарища.

«Если в пансионате дорого, я тебя в частном секторе устрою. Рядышком, в Верее. Городок тихий, одни церквушки и лес кругом. Тишина, снег, дым из труб, сосны. Соглашайся. Ей-богу, не пожалеешь».

И Лавров согласился. Лучше уехать от Глории, забыть о ней, выжечь свою страсть каленым железом.

– О чем задумался? – спросила она.

Он опомнился, поднял глаза. Пауза затянулась. Глория понимающе кивнула, как будто предвидела ответ.

– Тебе нужно сменить обстановку, – сказала она. – Отстраниться от ситуации. Иногда это необходимо. Когда ты едешь?

– Завтра.

– Не отключай телефон.

Эта ее фраза давала Лаврову зыбкую, но все же надежду. Они не расстанутся навсегда. У них еще есть шанс все исправить.

– Я буду на связи, – вымученно улыбнулся он.

* * *

*Подмосковье,
поместье «Дубрава»*

Динь-динь, дилинь!.. Динь-динь-динь!..

Из-за обсыпанных снегом сосен вынырнули сани, запряженные тройкой лошадей. Под дугой, убранный атласными лентами, звенел колокольчик.

Правил тройкой молодой мужчина в дубленке и меховой шапке-ушанке.

– Эй, залетные! – задорно крикнул он, подхлестывая холеных упитанных рысаков. – Веселей!

Женщина в санях испуганно ойкнула и вцепилась в медвежью доху, которая укрывала ее ноги.

– Не гони, Сережа! – попросила она лихого кучера. – Я боюсь.

– Прокатимся до ельника и назад, – обернулся к ней мужчина, открывая в улыбке ряд белых зубов. Его брови и короткие усики покрывал иней. Уши шапки развевались на ветру. – Держись, милая!.. Э-ге-гей!..

Ему доставляла удовольствие быстрая езда, трескучий морозец, вековой лес по обеим сторонам дороги и бьющие в лицо колкие снежинки.

– Мне холодно! – жаловалась ему в спину жена. – Я домой хочу!

Кучер не обращал внимания и гнал лошадей. Полозья визжали, тройка птицелей летела между деревьев, с которых местами осыпались белые веера снега. Женщина чуть ли не с головой залезла под доху. После поворота она высунулась из-под медвежьей шубы и крикнула:

– Останови!

– Зачем?

– Останови, прошу.

– Тпррру-ууу!.. – мужчина нехотя осадил тройку, недовольно спросил: – Что случилось, Катрин? Тебе плохо?

Она привсталала и огляделась по сторонам. Вокруг, утопая в снегу, шумели старые ели. Все было белым и сверкающим. Нигде никаких следов, кроме выпотрошенных шишек под деревьями и отпечатков крохотных трехпалых лапок.

– Остатки птичьего пиршества, – произнес возница. – Ты хочешь пройтись?

– Раз уж мы здесь, покажи мне *то место*, – попросила его жена, спрыгивая с саней.

– Не надо, Катрин...

– Нет, надо, надо, – капризно протянула она. – Я хочу взглянуть, где это случилось.

– Не сейчас. Всюду глубокий снег, разве не видишь?

Молодая женщина с болезненным любопытством вглядывалась в чащу.

– Где она лежала? Вон там?

– Кажется, да, – кивнул супруг. – У поваленного ствола.

– Как ты ее нашел?

– Проезжал мимо. Обкатывал сани и заметил что-то темное на снегу. Подошел и...

– Она выглядела ужасно? – перебила Катрин. – Что она делала в лесу? Кто мог ее убить?

Машины тут не ездят, деревня далеко.

– Не так уж далеко, – возразил он. – Местные жители иногда ходят этой дорогой.

Женщина куталась в шарф и вздрагивала то ли от холода, то ли от страха.

– Я бы не пошла, – сказала она, сделала несколько шагов к лесу и провалилась в сугроб. –

Тут полно снегу.

– Девушка, видимо, шла по дороге, – объяснил возница. – А в лес ее притащили, чтобы спрятать тело.

– Плохо спрятали, раз ты заметил.

– Кто-то спугнул убийцу. Он убежал, а труп остался лежать.

– Может, это ты его спугнул? Слава богу, ты жив. Он мог и тебя убить.

– У меня было с собой ружье.

Лошади фыркали и нетерпеливо били копытами. Тени на снегу потемнели.

– Начинает смеркаться, – сказал мужчина, поправляя шапку. – Поехали, Катрин. Все равно ничего не разглядишь. Метель уничтожила следы.

Жена послушно уселась в сани и укрылась дохой. Больше она ни слова не проронила, думая о чем-то своем.

Сделав круг, сани подкатили к большому каменному дому в два этажа, с террасой и просторным крыльцом. Кучер спрыгнул с облучка, передал лошадей конюху и помог жене выбраться из саней.

Конюх погладил коренного по гриве, одобрительно хмыкнул и взглянул на хозяина:

– Как он себя показал?

– Отлично. Правда, милая?

Женщина кисло улыбнулась и промолчала. С некоторых пор поведение мужа вызывало у нее смутные опасения. Казалось, он вывезет ее в лес, откуда ей уже живой не вернуться. Откуда в ее прелестной головке поселились такие черные мысли, она не могла бы толком объяснить. Но – поселились.

Прошлой зимой в соседней деревне пропали две девушки, нынешней – еще одна, приезжая. Ее тело обнаружил Сергей, обкатывая сани.

От лошадей валил пар. Конюх взобрался на место кучера и повернул тройку к конюшне.

Сергей Прозорин, хозяин поместья, расположенного на нескольких гектарах земли, обожал лошадей. Пару лет назад он решил завести собственный выезд для прогулок по лесу. Забава не из дешевых, но зачем же тогда деньги, если не потакать своим прихотям?

Жена восприняла его идею с восторгом, который, впрочем, скоро сменился разочарованием. Муж подолгу пропадал на конюшне, помогал конюху возиться с животными, самозабвенно учился верховой езде и уделял лошадям больше времени, чем семейному бизнесу и любимой женщине.

Прозорины были богаты. Катерина, которую муж на французский манер называл Катрин, привыкла к вниманию, которым окружил ее сначала отец, потом супруг. Наметившееся охлаждение между нею и Сергеем огорчало ее. Не было достаточно причин обвинять мужа в равнодушии, но прежняя его пылкость и нежная предупредительность явно поубавились. Может, так и должно быть.

Прозорины поженились совсем юными. Катерине едва исполнилось восемнадцать, когда по настоянию отца она отправилась под венец. Жениху было двадцать, они с невестой познакомились за месяц до свадьбы. О чувствах между ними речь не шла. Дед Сергея и отец Кати заключили своего рода сделку, объединив два средних по российским меркам капитала в одних руках: по сути, в одной семье.

Это был тот редкий случай, когда брак по расчету стал браком по любви. Сергей и Катя сразу понравились друг другу, а совместная жизнь пробудила в них взаимное чувство. Они были молоды, хороши собой и легко нашли общий язык. Первый год оказался для них медовым. Оба учились в одном университете, вместе прогуливали, вместе готовились к экзаменам, а вечера проводили в молодежных клубах, танцуя до упаду. Летом отправились в путешествие, где жадно ловили впечатления и познавали мир. Они не ощущали себя мужем и женой, а были парнем и девушкой, которые переживали романтическую пору влюбленности.

Скоро студенчество начало тяготить их. Прозорины все чаще отлынивали от учебы, ища себе иные занятия. Сергей пропадал в тренажерных залах, пробовал разные виды спорта. Бизнес его не привлекал, и он не выказывал ни малейшего желания приумножить заработанное его дедом и тестем.

«Ничего, – утешал себя последний. – Молодо-зелено. Авось, зятек образумится, потянется к делам. Не век же ему баклуши бить. Соскучится по настоящему мужскому занятию. Я ему вместо отца буду, научу всему, что сам умею. Он ведь сирота. Его дед вырастил, душу

в него вложил. Жаль, старик приказал долго жить. Хороший был человек, успешный коммерсант и честный партнер».

После кончины Акима Прозорина бразды правления семейной корпорацией перешли в руки тестя. Сергей не возражал. Даже обрадовался. Его жена Катя была единственной дочерью Бориса Туровского. Так что опасаться дробления капитала не приходилось.

Сергей получил от деда приличное наследство и мог жить на ренту. Тесть предложил ему попробовать себя в качестве генерального директора фирмы, но молодой человек отказался. Торчать с утра до вечера в офисе, возиться с бумагами и управлять армией клерков сложно и утомительно.

Катрин посвящала свое время болтовне с подружками, шопингу и салонам красоты. Она не обладала острым умом и во всем полагалась на отца. Однако, выйдя замуж за Прозорина, искренне привязалась к нему и встала на его сторону. Ей хотелось, чтобы молодой супруг был рядом с ней, а не днями напролет пропадал в офисе.

«Разве ты сам не справишься? – укоряла она отца. – До сих пор ты обходился без помощника».

«И дальше обойдусь, – добродушно соглашался Туровский. – Но когда-нибудь семейный капитал перейдет в руки Сергея. Он должен правильно распорядиться вашими деньгами».

Глаза дочери наполнились слезами, и Туровский смягчился.

«До этого еще далеко, – успокоил он Катеньку, привлекая ее в свои надежные объятия. – Поживите пока беззаботно. Ты права, муж должен быть рядом с женой. Вот мы с твоей матерью прожили, как в угаре. Вспомнить толком нечего. Я вечно на работе, она дома. У нее свои заботы, у меня – свои. Встречались только ночью, в постели. Не успели оглянуться, уже старость подкатила. Я ради твоего счастья старался, вкалывал, как каторжник! Чтобы тебя обеспечить. Теперь ты ни в чем нуждаться не будешь».

«Спасибо, па, – вздохнула дочь. – Ты у меня самый лучший!»

«Ты хоть любишь своего Сергея?» – неожиданно спросил он.

«Очень люблю», – призналась она.

«Вот и славно. Мы с покойным Акимом когда задумали вас поженить, молились, чтобы вы друг другу по сердцу пришлись. Старик своего внука на все лады расхваливал, да я и сам не слепой. Видел, что парень всем вышел – и красив, и умен. Кто ж знал, что жилки в нем деловой нету? Ничего, и это как-нибудь образуется».

Поразмыслив, Туровский настоял на переезде молодых в «Дубраву». Оторвавшись от суетного времяпрепровождения, веселой компании и клубных тусовок, авось, зять возьмется за ум.

Теперь Прозорины занимались хозяйством, обустроивали свое гнездо и предавались супружеской любви, в которой появился оттенок обязанности. Муж и жена оказались один на один друг с другом, с утра до вечера лицом к лицу, бок о бок. «Тереться локтями», будучи предоставленными самим себе, было для них внове.

Тут-то и проявились их разные склонности. Сергей перевез в «Дубраву» дедову библиотеку и поначалу сутками просиживал на втором этаже, просматривая обширный архив покойного и разбирая книги, среди которых попадались редкостные антикварные издания.

Катя тенью бродила по комнатам, изнывая от скуки и недоумевая, откуда в ее муже взялась такая страсть к чтению.

Ему не удалось приобщить жену ни к спорту, ни к верховой езде, ни к чтению пыльных фолиантов, ни к научным опытам, которыми он вдруг увлекся. К охоте она тоже оставалась равнодушной. Сплетничать с подружками по телефону ей надоело: общих тем для болтовни становилось все меньше. Городская жизнь казалась утерянной навсегда. Сергей, который подчинился воле тестя, ни о чем не жалел. Уединенный быт в «Дубраве» был ему по вкусу. Он

и слышать не желал о возвращении в Москву. А Катрин слишком любила его, чтобы разъя-

хаться...

Глава 3

Лавров проехал Верею с ее церквями и разбросанными в снегу домами и свернул направо. Указатель сообщил ему, что до пансионата «Лель» осталось двадцать километров.

Дорога была почищенная, но узкая. По бокам громоздились сугробы. Двум машинам не разминуться.

«Как они тут ездят?» – удивился бывший начальник охраны.

Холмы поросли лесом. Сыпал мелкий снежок. Проселок петлял, и перед каждым поворотом приходилось сбавлять скорость. Вдруг вылетит на своей крутой тачке какой-нибудь отдыхающий под кайфом? Мало не покажется.

За очередным поворотом Лаврова поджидал сюрприз. Посреди дороги стоял белый джип «ниссан».

Роман выругался, притормозил и вышел из машины. «Ниссан» продолжал стоять, как стоял.

– Что-то случилось? – крикнул он.

Ему не ответили. Он приблизился и увидел, что водитель «ниссана» – женщина. Она сидела за рулем и не собиралась освобождать дорогу.

Лавров наклонился и постучал костяшками пальцев по тонированному стеклу.

– Эй! Милая дама! Что с вами?

Женщина молчала.

– Мне ехать надо, – повысил он голос. – А вам?

Дама повернула голову. Сквозь стекло ее лицо казалось белым, словно луна. Она была молода и красива. Может, пьяна? Или травки накурилась?

– Я могу чем-нибудь помочь? – предложил он. – Откройте дверцу. Или хотя бы опустите стекло.

Барышня испуганно оглянулась, как бы ища поддержки. Но в салоне никого не было, кроме нее. Белая лента дороги тоже была пустынна. Видимо, тут не так часто ездят.

– Так и будем стоять? – начал сердиться он. – Холодно, между прочим. Мороз. И вообще, я спешу.

Женщина-водитель решила и робко приоткрыла окно. На вид ей было лет двадцать пять. Короткие каштановые локоны с рыжим отливом вились вдоль щек и беспорядочно падали на лоб. Точеный носик, маленькие пухлые губы, тронутые помадой, карие глаза под тонкими дугами бровей – все выдавало в ней породу женщин, рожденных для восхищения. Странная бледность покрывала ее лицо.

– Вы кто? – настороженно спросила она. – Куда вы едете?

– В пансионат. Хочу повидаться с другом. Говорят, тут можно весело провести время.

– А-а, – недоверчиво протянула барышня. – Я тоже еду в пансионат.

– Что у вас случилось?

– Машина заглохла. Я не понимаю, в чем дело. Звонила отцу, но связи нет. Местами тут сотовый не берет. Это как раз такое место.

– Давайте я посмотрю, что с вашим «ниссаном». Откройте дверцу.

– Нет! – отчего-то испугалась она. – Не надо. Я буду ждать.

– Чего? Думаете, связь появится? По щучьему велению?

– Нет, – упрямо повторила она.

«Истеричка, – мысленно констатировал Лавров. – Капризная и вздорная бабенка, избалованная богатым папиком. Хоть и не блондинка, но мозгов явно не хватает, чтобы сообразить – на этом проселке можно проторчать до второго пришествия».

– За вами должны приехать? – скептически осведомился он.

– Не знаю...

– Послушайте, так нельзя. Если хотите стоять посреди дороги, то у меня другие планы.

– А я при чем?

– Мы не разминемся.

– Вы уж постарайтесь, – сказала она. – Ваша машина позволяет.

Он прикинул, что, если взять вправо и захватить подножие сугроба, пожалуй, «туарег» протиснется. Рискованный маневр, но попытаться можно.

– Ладно, – буркнул он. – Попробую.

Остаться женщине одной на пустынном проселке было по меньшей мере неразумно. Вероятно, у нее есть на то причина. Интересно, какая? Владелица «ниссана» не казалась обкуренной, и спиртным от нее не пахло. Он уловил только слабый аромат фиалковых духов.

– Подождите! – опомнилась она. – Вернитесь, пожалуйста.

Лавров повернул обратно. Барышня ждала его с напряженным и бледным лицом. Спросила:

– Сколько проработает печка?

– Недолго. Аккумулятор быстро сядет. А за бортом пятнадцать градусов, между прочим.

Вы замерзнете.

– Что же мне делать?

– Если я проеду, могу подвезти вас до пансионата, – предложил Лавров. – Вы ведь туда направляетесь?

– Да.

– Тогда нет проблем.

– Есть! – возразила женщина. – Я... не доверяю вам.

– Это еще почему? – изумился он. – У меня неблагонадежный вид? Я похож на бандита?

– Нет, но...

– Как хотите, – пожал он плечами. – Я не навязываюсь.

– Понимаете... откуда мне знать, что вы... не маньяк?

Лавров рассмеялся, настолько наивно и глупо прозвучали ее слова.

– У вас тут что, маньяк на маньяке?

– Я боюсь. Я вижу вас первый раз.

– Я вас тоже. Однако это не дает мне основания подозревать вас черт знает в чем.

– Мне страшно! – заявила она.

– Тогда оставайтесь и замерзайте.

Барышня нервно облизнула губы и отважилась открыть дверцу.

– Посмотрите, что с моей машиной, – жалобно произнесла она. – Только сначала я отойду подальше.

– Как хотите, – кивнул Лавров.

Она, пятясь, отошла на несколько метров и стояла, держа в руках сумочку и притопывая ногами в меховых сапожках. Ее пятнистая шубка из рыси стояла уйму бабок, на пальцах сверкали дорогие кольца. Как бывший опер, Роман не понимал, зачем так одеваться в дорогу, вводить в соблазн людей с дурными намерениями. Ей бы стоило опасаться скорее грабителя, чем маньяка.

Он сел за руль «ниссана» и включил зажигание. Работает, но двигатель не заводится. Лавров посмотрел на датчик бензина. Топлива вдоволь. Он вышел и открыл капот. Проверил все, что следовало.

– Думаю, предохранители полетели, – заключил он и повернулся к хозяйке. – Нужно менять.

– Меняйте, – согласилась она.

– Я не автосервис. Закрывайте машину и поехали в пансионат, там разберемся.

Женщина продолжала топтаться на дороге. Она повесила сумочку на локоть, сунула руки в карманы, подняла воротник. Голова ее была непокрытой, и снег падал на волосы серебряными блестками.

– Да не бойтесь вы! – усмехнулся Лавров. – Не стану я вас убивать. У меня сегодня выходной.

Шутка получилась мрачная. Барышня стучала зубами не только от холода, но, кажется, и от страха.

– Простите, – мягко произнес Роман, проникаясь к ней сочувствием. – У меня черный юмор. Я не причиню вам зла. Клянусь! Хотите, побожусь?

– Нет.

– Тогда доверьтесь судьбе. Считайте, что она послала вам ангела-хранителя.

Должно быть, он сумел расположить ее к себе, потому что барышня нерешительно двинулась вперед.

Лавров уселся в свою машину и распахнул для дамы правую дверцу.

– Прошу!

Она скользнула на сиденье, обдав водителя запахом фиалок, и бросила на него косой взгляд из-под ресниц. Снежинки на ее волосах начали таять.

– Я вас не трону, – как можно убедительнее произнес Лавров. – Я не маньяк. Успокойтесь и не дрожите.

Пассажирка молчала, кусая губы и глядя прямо перед собой. Он аккуратно, стараясь не задеть «ниссан», попытался проехать. Получилось со второго раза.

– Вы не ас, – тряхнула мокрыми кудрями барышня.

– Не хватало мне для полного счастья повредить ваш внедорожник, – огрызнулся Роман. – И потом оплачивать ремонт. Отличное начало отпуска! Надеюсь, продолжение меня не разочарует.

– Вы в отпуске?

– Можно сказать и так...

* * *

*Поместье «Дубрава» —
деревня Веселки*

– Ты кого мне оседлал? – рассердился Прозорин. – Эту ленивую кобылку?

– Вы сами просили смирную, – оправдывался конюх.

– Я для жены просил. А она отказалась кататься. Не по нраву ей лошади.

– Ваша супруга железного коня предпочитает.

– Ты прав, – кивнул Прозорин, поглаживая кобылу. – Ладно, пожалуй, прокачусь на ней.

– Холодно, – поежился конюх. – Мороз крепчает.

– Я не надолго, туда и обратно.

Его тянуло на дедову дачу, где он мальчишкой проводил школьные каникулы. Деревянный дом, похожий на терем с резными ставнями, остроконечной крышей и высоким крыльцом, был местом, где покойный Аким Иванович любил «отдыхать от мира», как он выражался. Фасад Терема выходил на реку, а задняя сторона упиралась в молодой сосновый лес. Живописный пейзаж открывался из любого окна, теша глаз и душу.

Сергей привязался к дому, который напоминал ему безмятежную пору детства. Родители его погибли, когда ему не исполнилось и пяти лет. Дед заменил ему мать и отца. Дом в Веселках остался внуку в наследство вместе с «Дубравой» и пробуждал в нем ностальгическую тоску по прошлому.

Катя побывала на даче всего раз, и ей там не понравилось. Слишком высокий обрыв над Протвой вызывал у нее страх; в лесу стоял сумрак, и она вообразила, что оттуда тянет сыростью. На самом деле сыростью тянуло с реки, и то в дождливое время года.

Словом, с тех пор Сергей навещался в родные пенаты один. Проветривал дом, протапливал, иногда оставался на ночь. Только в Тереме ему снились волшебные сны, которые нигде больше не повторялись.

В отсутствие хозяев за домом присматривала сельская учительница на пенсии. Ее нанял дед, а Сергей продолжил традицию и даже прибавил сторожике зарплату. Дом без человеческого ухода быстро ветшает и теряет жилой вид.

Кобылка доставила Прозорина на бывшую дедову дачу за сорок минут. Он соскочил в снег, привязал лошадь к почернелому столбу у ворот и тяжело вздохнул. Здесь протекли самые счастливые мгновения его жизни, просочились сквозь пальцы, ушли в песок. Унесла их река далеко, прочь от этого благословенного и проклятого места. Туда, где небо смыкается с кромкой леса и загорается вечерняя заря.

– Смогу ли я все вернуть? – прошептал Сергей в холодном отчаянии. – Смогу ли? Кому он задавал этот горький вопрос? Бог весть.

Прозорин постоял у ворот, створки которых были раскрыты, словно ладони, готовые принять его в свои объятия. В глазах кипели слезы. Он сморгнул их, ступил во двор и поднял голову на то, что осталось от Терема.

Январские метели замели фундамент бывшего дома. Кое-где торчали из-под белого савана обугленные бревна сруба. Крыши не было, она выгорела полностью. Две кирпичные трубы от камина и печки покрылись инеем.

Пожар уничтожил дом три года назад, сухим и жарким июльским днем. Соседи не сразу заметили зарево на обрыве, а когда прибежали, тушить уже было нечего. Сторожике повезло. Тем летом она расхворалась, и за домом приглядывал сам Сергей. Наездами, с редкими ночевками.

Он подошел поближе к обгорелому срубу. Снегу намело по пояс. Не пробраться. Словно зима оберегала пепелище от чужого вторжения.

– Прости меня, – вымолвил Прозорин в морозную тишину, нарушаемую лишь шумом сосен и криками галок, рассевшихся на заборе.

Казалось, дед сурово качает головой, оглаживает седую бороду, щурится. Осуждает внука. Дескать, не уберег ты, Сергуня, мою вотчину, не доглядел наше родовое гнездо.

– Прости, дед, – потупился тот. – Я обязательно все исправлю. Я восстановлю наш Терем. Сделаю его краше прежнего. Погоди немного. Мне сейчас надо главное дело сделать. А потом и до Терема дойдет.

– Карррр!.. Карррр-р!.. – презрительно отозвались галки. – Кар-р!..

– Кыш, вы, горластые! – замахнулся на них Прозорин.

Птицы перелетели на закопченные трубы и пуще раскаркались.

– Не верите? – разозлился Сергей. – Так вот же вам! Прочь, черти!

Он кое-как слепил снежок и запустил в галок. Снаряд не долетел до цели, рассыпался...

Глава 4

Пансионат «Лель» на Протве

Хозяйка «ниссана» попросила остановить у деревянного коттеджа, обильно изукрашенного резьбой. Смеркалось. В окнах коттеджа горел свет.

– Мне сюда, – сказала пассажирка.

Лавров притормозил, подал ей ключи от ее машины.

– Возьмите, вы забыли. Ну как, все обошлось? – улыбнулся он. – Вы живы и невредимы. Я реабилитирован?

– Кто вас знает?

– Вам есть к кому обратиться насчет джипа? Авто не стоит надолго оставлять на дороге.

– Это уже не ваша забота.

Она вышла, не поблагодарив, и скрылась за деревянной дверью. А Роман набрал номер Орешкина.

– Помогай после этого людям, – проворчал он, уязвленный пренебрежением молодой дамы. – Она еще и недовольна. Расстроена, что я не маньяк!..

– Привет, дружище, – раздался в трубке мужской басок. – Рад тебя слышать.

– Я прибыл, – расплылся в улыбке Лавров. – Встречай.

– Ты где? Подъезжай к центральному корпусу. Мы тебя заждались.

– Кто «мы»?

– Я и девочки-официантки, – захихикал Орешкин. – Я им расписал, какой ты умница и красавец. Они сторают от нетерпения. Галантные кавалеры у нас на вес золота.

Роман устало зевнул. Он проголодался, ему хотелось спать. Возня с капризной и напуганной хозяйкой «ниссана» порядком утомила его. Они даже не познакомились. Всю дорогу до пансионата дамочка просидела тихо, как мышка. Вероятно, молилась, чтобы «маньяк» на нее не позарился.

– Давай, подгребай, братишка, – гостеприимно рокотал в трубке басок. – Девочки тебе столик накрыли. За мой счет.

– Чудесно, – обрадовался Лавров. – Я голодный как волк.

– Увидишь надпись «Трактир у Леля», тормози. Отведаете наших фирменных блюд.

Через несколько минут друзья уже похлопывали друг друга по плечам, пожимали руки и обменивались комплиментами.

– А ты молоток, Рома! Качок! И модник, каких поискать. Жиру не нагулял, как я. Следись за фигурой. Стройный, подтянутый. Девчонки, что я вам обещал? – подмигивал он молоденьким официанткам, которые глазели на гостя. – Сероглазый брюнет с голливудской улыбкой перед вами! Прошу любить и жаловать.

– Ладно тебе, – смутился Лавров.

Орешкину жизнь и работа в пансионате пошли впрок. Он отяжелел, отпустил второй подбородок, приобрел залысины. Бордовая жилетка, надетая поверх белоснежной рубашки, чуть не трещала по швам. На груди бывшего охранника болтался бейджик с надписью: «Вячеслав Андреевич, администратор».

– Ты хорошо устроился, Славик, – оценил приятель. – Как сыр в масле катаешься.

– Точно, – довольно хохотнул Орешкин. – Давно мечтал о таком месте. Чтобы еды вдоволь, свежий воздух, баня под боком и девочки! Чего еще желать, а? Одна проблема. Жениться мне пора.

– Так женись.

– Как подумаю, что всю жизнь придется с одной женщиной куковать, тоска берет.

– Понимаю, – усмехнулся Лавров.

– Ну что, по первой, за встречу? – предложил Орешкин, разливая водку. – Или тебе коньячку?

– Давай медовую.

Деревянный стол, накрытый вышитой скатертью, ломился от закусок. Грибы, соленья, рыба, буженина, заливное, маленькие румяные пирожки.

– Что-то ты невеселый... – заметил после третьей рюмки Орешкин. – Из-за работы, небось? Забей, друг. Мы тебе вмиг выгодную службу спроворим. Только скажи. Такие кадры всегда в цене.

Лавров нервно дернул подбородком.

– Хочу отдохнуть пока, а дальше видно будет.

– Правильно, – одобрил Славик и потянулся за бутылкой.

– Ты же при исполнении. Может, хватит? Или у вас это в порядке вещей?

– У меня сегодня отгул. Могу я друга встретить, как положено? Сколько мы с тобой не виделись? – администратор, не дожидаясь ответа, позвал девушку с косами, заплетенными калачиком. – Варька, неси горячее. Живо! И пельмени. С пылу, с жару!

– Где вы таких девчонок набрали? Косы, румянец, губки бантиком.

– По селам колесили, выискивали подходящих. У нас специфика. Все должно быть по-русски. И девочки, и баня, и кухня. У нас сбитень подают, чай из самовара, расстегаи.

Лавров неожиданно опьянел. Сказалось напряжение, бессонная ночь перед поездкой, встреча с хозяйкой «ниссана».

– Чует мое сердце, неспроста она мне попала... Ох, неспроста.

– Кто?

– Дамочка одна.

– Ты, Рома, в своем репертуаре, – рассмеялся Орешкин, в очередной раз наполняя рюмки. – Не успел приехать, уже кого-то клеишь.

– Да не клею я никого...

– Врешь! По глазам вижу. Где ж ты успел ее подцепить?

У Лаврова кружилась голова. Стол, раскрасневшееся от водки лицо Орешкина, деревянные стены, все вдруг подернулось туманом, поплыло...

* * *

Поместье «Дубрава»

Хозяйский дом окружал каменный забор с деревянным верхом. Во дворе – сосны в снегу, голые березы, прогулочные дорожки, посыпанные песком. Вдоль аллеи, ведущей от въезда к дому, высажены молодые деревца.

Тарас Никулин работал у Прозориных охранником. Они с напарником дежурили посменно. Во флигеле, кроме них, проживали конюх, кухарка и горничная. Еще в поместье поселился Федор Прелатов, который помогал хозяину ставить научные опыты. Для опытов использовали подвал, куда имели доступ только сам Прозорин и его помощник.

Тарас держался в «Дубраве» исключительно из выгоды. Хозяин щедро платил охранникам. Где заработать такие деньги демобилизованному сержанту со средним образованием? В Верее вакансий нет, в пансионате штат укомплектован. А в деревнях охранять нечего.

Из обитателей «Дубравы» Тарасу больше всего не нравился Федор. Станный мужик и себе на уме. Охраннику претили его внешность и манеры. Тот одевался во все темное, словно монах, тщательно подбривал бородку и обладал колючим пронзительным взглядом, от которого кровь стыла в жилах. Говорил мало и непонятно, презирал прислугу и вел себя баринном.

Все, кроме хозяина, от него шарахались. Хозяйка же как будто не замечала Федора. Она жила в своем отдельном мире, делами мужа не интересовалась, целыми днями прихорашивалась, спала, гуляла, смотрела телевизор и листала модные журналы.

«У богатых жизнь не сахар, – глядя на нее, заключил Тарас. – Можно свихнуться или взвыть от скуки».

Детей у Прозориных не было, и это обстоятельство усугубляло разницу в образе жизни супругов. Они все больше расходились каждый в свою сторону.

Впрочем, Тараса личные отношения хозяина и хозяйки не касались. Кухарка с горничной любили посплетничать на их счет, на то они и бабы. Охранников занимало совершенно другое.

С некоторых пор в доме случались происшествия за происшествием. То электричество вырубится, то окна сами собой распахнутся настежь, то дыму наберется откуда ни возьмись. Кухарка и горничная жаловались на страх и бессонницу. Им казалось, что в доме обитает привидение. Иногда в комнатах раздавался шум, что-то падало, звенело и скрипело.

Выслушав обеих женщин, Прозорин только усмехнулся, собрал весь персонал и предложил тем, кому не подходят условия работы в «Дубраве», немедленно уволиться. Он-де без проблем наберет новых людей. Стоит ему обратиться в фирму по найму прислуги, как ему предложат на выбор сколько угодно желающих потрудиться за достойную оплату.

После такой отповеди жалобщицы призадумались. Им придется искать новое место, и кто знает, каким окажется другой хозяин. Прозорин, по крайней мере, справедлив, щедр и относится к ним с уважением. А за нечистую силу он не в ответе.

Тарас чертей не боялся и в привидения не верил. Окна мог открывать сквозняк, а шум и треск бывают в любом доме. При должном подходе всему можно найти логическое объяснение.

Однако он решил быть начеку и внимательно ко всем приглядываться. Особенно к Федору, который возбуждал в нем тревожное любопытство. Если кто и якшается с нечистым, так именно этот молчаливый мужик. Он сам на беса смахивает, даром что рядится монахом.

– Слушай, а ведь я тоже кое-что видел, – после того собрания признался напарник, Леха. – Только говорить не хотел. Еще на смех поднимут. Неловко как-то.

– Что ты видел? – рассердился Тарас. – Хочешь, чтобы нас уволили?

– Курить будешь?

– Давай.

Они устроились под навесом, где хранились дрова. Леха достал пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и оглянулся по сторонам.

– Ты сам-то ничего не замечал? – спросил он. – Тень в окне, например? Мужика с бородой?

– Ты про Федора? – не понял Тарас. – Он и правда тенью бродит. Не знаю, как ты, а меня от него воротит. Он нас развел на бабки, понимаешь? Всучил какую-то гадость, от которой никакой пользы.

– Не скажи. *Я заметил разницу!* А ты зачем брал, если не веришь?

Тарас насупился и пустил дым из ноздрей.

– У Федора борода короткая и черная, – гнул свое Леха. – А у того мужика длинная и рыжая.

Тарас затаился, закашлялся и удивленно уставился на него.

– Ты че, Леха, сбрендил? Кха-кха. У кого из наших – рыжая борода?

– В том-то и прикол, что ни у кого.

– И где ты видел этого... рыжебородого?

– В окне на втором этаже дома. Иду я мимо и вдруг чую: холод пробрал с головы до пяток. Поднимаю голову, а на меня сверху мужик глядит. Рыжий и бородатый.

– Ага, – кивнул Тарас. – Нос крючком, брови торчком. Словом, Кощей Бессмертный.

– Зря я тебе сказал, – скривился напарник. – Знал же, что не поверишь.

– Ты трезвый был?

– Как стеклышко.

Он обиженно замолчал, затушил окурок, щелчком отправил его в снег и достал вторую сигарету.

– Ладно, дальше что было? – не выдержал Тарас. – Начал, так продолжай.

– Я подумал, к Прозориным гость приехал. Потом вспомнил, что никому ворот не открывал, никого не впускал. Что за чертовщина?

– Может, это любовник нашей хозяйки? Она его в машине привезла, тайком, и прячет в доме. Хозяин с Федором амуры крутит, а она тоже решила развлечься.

– Какие еще амуры? У них с Федором дела. Наука. Они опыты ставят. Прозорин по профессии фармацевт, между прочим. Может, он новое лекарство изобретает. От СПИДа!

– Умный ты, Леха. Тебе не в охрану надо было идти, а в академию наук.

– Может, еще пойду.

Леха, в отличие от Тараса, тяготел к интеллектуальной деятельности. Работу у Прозориных считал временной и надеялся исправить свое положение.

– Держи карман шире, – возразил Тарас. – Делать хозяину нечего, кроме как лекарства изобретать. У него и без того денег куры не клюют. С жиру он бесится, вот что. И жена его тоже с жиру бесится. Нам их не понять. Они инопланетяне, блин!

– По-моему, ты загнул. Прозорин – нормальный мужик. Ты ему завидуешь, небось? Сам бы хотел в таком доме жить, деньжищами ворочать, лошадей разводить? А вынужден на хозяина пахать. С утра до вечера, с вечера до утра одно и то же.

Тарас вспылил. Его можно было упрекнуть в лени, в невежестве, в цинизме, но только не в зависти. Он не на шутку разозлился, хотел уйти, но Леха схватил его за рукав, удержал.

– Не психуй! Я не то имел в виду. Ты, видать, парень с запросами.

Тарас рывком высвободился, хотел уйти, но остыл. В сущности, Леха прав. Ему не по вкусу жизнь, которую он ведет, но и напрягаться, что-либо менять слишком хлопотно.

– Ладно, проехали, – буркнул он. – Ну их к черту, запросы. От этого только голова болит. Как складывается, так и живем. Верно? Восточная мудрость советует плыть по течению. Так что ты там болтал про рыжебородого?

– Видел его в окне.

– И куда он потом делся?

– Исчез.

– Это все?

– Тебе мало? – ухмыльнулся Леха. – Тогда вот еще. Ты в дом к хозяевам часто заходишь?

– Только по необходимости. А что?

– Голосов никаких не слышал? Вздохов там... стонов.

– Каких стонов? – смутился Тарас.

– Не любовных. Совсем других! Протяжных... и зловещих. От которых дух перехватывает и волосы шевелятся.

Леха взъерошил свою шевелюру и скорчил жуткую гримасу.

– Ты нарочно придумываешь? Дуришь меня? – обиделся напарник.

– Фома ты неверующий. Думаешь, я вру? Меня иногда жуть берет, но я молчу. Не хочу, чтобы меня считали чокнутым.

– Оттого ты в пансионат зачастил?

– Представь себе! Там хоть оттянуться можно, выпить, потанцевать с девочками. На нашей работе можно на корню засохнуть. Что мы с тобой видим? Дежурство, телик, сон, опять дежурство. Знаешь, как это называется? Моральная деградация.

Тарас машинально кивнул.

– Может, у тебя глюки начались? От этой... типа деградации.

– Больше ничего не скажу, – надулся Леха. – Я знал, что этим кончится.

С тех пор Тарас, прогуливаясь вокруг хозяйского дома, – что входило в его обязанности, – начал поглядывать в окна. Не появится ли в одном из них человек с рыжей бородой?..

Сегодня, после отъезда Прозорина, он по обыкновению решил сделать обход и так задумался, что чуть не налетел на Федора. Ученый «монах», как окрестили его охранники, недовольно посторонился и буркнул:

– Спишь на ходу, отрок?

– Какой я тебе отрок? – огрызнулся Тарас. Брезгливая физиономия Федора вывела его из себя. – Дедушка нашелся!

На вид Федору можно было дать лет сорок. На его висках и в фигурно выбритой бородке проступали седые волоски, но в целом он хорошо сохранился. Среднего роста, крепко сбитый, он мог бы помериться с Тарасом силами.

– Ты со мной не шути, отрок.

– А то что?

– Плохо тебе будет, – опустил глаза Федор. – Захвораешь ненароком. Чахнуть начнешь, мужскую доблесть терять.

– У тебя типа глаз черный? Ты на это намекаешь?

– И на это тоже...

– Плевать! – не испугался Тарас. – Ты меня своими страшилками не проймешь, блин!

«Монах», не поднимая глаз, словно сдерживая готовый вырваться из них огонь, который испепелит дерзкого на месте, погрозил ему пальцем...

Глава 5

Черный Лог

Глория привыкла к повторяющимся снам. Бесконечная анфилада комнат, мелькание незнакомых лиц, невнятная речь... старинная музыка... благоухающий сад за окнами. Иногда в этих комнатах она встречала удивительных персонажей, а в саду видела журчащие фонтаны, живые мраморные статуи и грохочущие колесницы...

Это было странное место. Глория испытывала странные чувства, попадая туда. Ее голову посещали странные идеи...

Например, что жизнь заманивает ее в ловушку. Что она погрузилась в самообман и боится признаться себе в этом.

Однажды она решила отыскать хозяина призрачного дворца.

– Лучше тебе с ним не знакомиться, – предупредил ее верный Агафон, карлик, который жил до нее в коттедже на краю леса.

– Почему?

– Никогда не спрашивай «почему».

Следующее «почему» застряло у Глории на губах, но она упорно продолжала открывать дверь за дверью, переходить из комнаты в комнату.

– Несть им числа, – напрасно твердил карлик. – Они никогда не кончатся, моя царица.

Но Глория рвалась вперед. В какой-то момент она сообразила, что ходит по кругу.

Перед ней тут же распахнулись очередные двери, и она оказалась... в тронном зале. Восседающий на троне Владыка ослепил ее. Золотая корона, вытканная золотом мантия, сверкающие самоцветы.

Владыка поманил ее рукой, унизанной драгоценными перстнями. Она подошла на ватных ногах, с трудом перевела дыхание.

– Рад видеть тебя, – неприятным голосом произнес сидящий на троне.

– Кто ты?

– А кого ты ожидала увидеть?

– Не знаю, – растерялась Глория.

– Я хозяин твоих снов, – заявил Владыка.

Лицо его непрерывно менялось, от ангельски прекрасного до ужасающе уродливого. Нельзя было уловить его истинного выражения.

– Ты... дьявол? – похолодела она.

– Не пугайся. Я не столь страшен, как принято думать.

У Глории замерло сердце и онемели губы. Она безуспешно силилась вымолвить хоть слово.

Сидящий на троне улыбнулся, показывая ряд бриллиантовых зубов. Казалось, его рот заполыхал всеми цветами радуги.

– Падай ниц! – потребовал он. – Проси, чего хочешь!

Она не упала, а все ее желания будто испарились. Между ней и Владыкой простиралась звенящая пустота.

– Что привело тебя сюда? – обронил он. – Неужели любопытство? Таковы женщины. Их влечет бездна. Я называю это безрассудством... или любовью. Выбирай! Постыжение или любовь?! Одно из двух. Только одно.

Глория замешкалась, чем вызвала оглушительный хохот Владыки.

– Он обведет тебя вокруг пальца, – дергал ее за подол карлик. – Бежим, пока не поздно!

– Поздно, – шепнула она.

Ее тихое слово отозвалось громовым раскатом под потолком тронного зала.

– Ты не первая, кто не может выбрать, – снисходительно кивнул Владыка. – Я покажу тебе кое-что...

Он взмахнул перстнями и поманил ее за собой.

Свет померк. Глория заметила, что они спускаются куда-то вниз по узким каменным ступенькам. Лестница, виток за витком, вела... в преисподнюю.

Владыка привел ее в большой темный каземат, где происходило нечто страшное.

В углу каземата пылал огонь. Рядом за деревянным столом расположился служитель церкви. Он макал гусиное перо в чернильницу и что-то писал. Запах угля, крови и пота ударил Глории в нос. Она замерла, стараясь не дышать.

Человек в надетом на голову колпаке с прорезями для глаз крутил какую-то ручку. Что-то скрипело, хрустело, натягивались веревки, и вдруг густой от зловонных испарений воздух прорезал истошный крик. Глория не сразу заметила полуголоое мужское тело, которое растягивали на дыбе.

Она догадалась, что это дыба, прежде чем карлик шепотом сообщил ей:

– Перед тобой – суд инквизиции.

– Знаешь, кто этот человек? – склонился к ней Владыка, указывая на дыбу. – Еще вчера он был пэром и маршалом Франции, особой, приближенной к королю. А сегодня волею судьбы превратился в жалкий кусок мяса, терзаемый болью. Он хорошо начал, но плохо кончит. Сей доблестный рыцарь мог стать национальным героем, но стал чудовищем. И все из-за...

– Что он совершил? – перебила Глория.

– Его обвиняют в отсутствии благочестия, составлении дьявольских заклинаний, вызывании сатаны, в занятиях некромантией², алхимией и колдовством. А также в содомии, буйных оргиях и многочисленных убийствах. Синьор ради своих «опытов» похищал детей и молодых женщин, издевался над ними, наслаждаясь муками жертв, купался в их крови... и прочее.

– Продолжайте!..

Владыка отказался перечислять леденящие кровь подробности и заявил, что должен пощадить слух прекрасной дамы.

– Откуда в нем такая жестокость? – засомневалась Глория, глядя на преступника. – Ради чего он решился на подобные зверства?

Мужчина на дыбе даже во время пытки, искажившей его черты, показался ей красивым. Рослым, сильным и благородным.

– Его приговорят к сожжению, – с плотоядной улыбкой добавил Владыка. – Но я не имею к этому злодейству ни малейшего отношения.

– Перед сожжением ему окажут милость, – сообщил карлик, желая успокоить Глорию. – Повесят на глазах толпы. Потом палач обрежет веревку, и тело упадет в заранее подготовленный ящик. Два его сообщника сгорят заживо, в то время как труп синьора, только слегка обуглившийся, положат в гроб и отдадут родственникам.

Владыка и карлик наперебой рисовали Глории картину, которая могла бы показаться романтической, не будь она столь кошмарной.

Мужчина в черном шелковом камзоле и черном бархатном плаще с капюшоном поднимается на помост для казни. Стоит ясный солнечный день. В водах Луары отражаются зеленые ивы и тополя. Дует свежий ветерок.

На площади беснуется разгоряченная гневом толпа. Горожане сжимают кулаки и выкрикивают проклятия. Некоторые женщины бьются в истерике. Матери погибших детей рвут на себе волосы и одежду.

---

² Некромантия – гадание на трупах мертвых или путем обращения к душам умерших.

Под неистовые крики людей палач набрасывает на шею осужденного петлю. Помощник подносит факел к куче хвороста. Костер разгорается под протяжный звон кафедральных колоколов...

Глория закрыла глаза, не в силах смотреть на такое.

Проснувшись, она долго лежала, пока не сообразила, что находится в собственной спальне...

* * *

Пансионат «Лель»

Тем же утром Лавров проснулся в номере отеля с тяжелой головой и дурным настроением. Ему снились ужасы. Он не смог вспомнить, что именно. Его удивили стены из бревен и деревянный потолок.

– Черт, – пробормотал он, взглянув на часы. – Ничего себе! Почти полдень.

Он вскочил и отправился в душ. В голове прояснилось. Вчера они со Славиком пили до умопомрачения, а потом, вероятно, вырубались.

Вернувшись в комнату, Роман приоткрыл зеленые шторы и выглянул на улицу. Там стояли сосны, лежал снег, бродили люди с лыжами в руках.

– Я на отдыхе! – обрадовался он и оглянулся вокруг в поисках халата. Чемодан с вещами, похоже, остался в машине. А натягивать джинсы и свитер не хотелось.

Сотрудники пансионата заботились о своих клиентах. По крайней мере, в этом уютном номере висел на крючке синий махровый халат, внизу стояли шлепанцы того же цвета.

– Молодцы, – похвалил сервис Лавров, засовывая босые ноги в тапочки.

В дверь деликатно постучали.

– Входите!

– Привет, Рома, – просиял Орешкин, вваливаясь к приятелю. – Ну, ты и соня! Завтракать будешь?

– Уже обедать пора.

– Твоя правда. Собирайся, поведу тебя на обед.

– Ты как огурчик, – позавидовал ему Роман. – Свежий, бодрый. Словно вчера не перебрал вместе со мной.

– Практика, – улыбнулся тот. – Мне помятым быть нельзя. Клиенты у нас требовательные, начальство спуска не дает. Не будешь соответствовать, окажешься за бортом.

– Мне бы чемодан из машины забрать.

– Давай ключи, – протянул руку Орешкин. – Я принесу.

– Не в службу, а в дружбу.

Пока Лавров приводил себя в порядок, администратор вернулся с его чемоданом.

– Слушай, я вчера барышню в пансионат подвозил. Она из отдыхающих?

– Приметы? – усмехнулся Славик.

– Молодая, красивая. У нее белый джип «ниссан».

Администратор наморщил высокий лоб.

– Кажется, я знаю, кто она, – кивнул он. – Барышня приехала к отцу. Он остановился у нас. Большой человек. Осторожнее, Рома. Держись от нее подальше.

– Так и сделаю, – легко согласился Лавров. – Мне не нужны сложности.

Приятель отправился в ресторан обедать. Зал на полтора десятка столиков был полупустым.

Орешкин подозвал Варю и попросил принести квасу, холодных закусок и куриного бульона.

– С похмелья хорошо, – объяснил он Лаврову свой выбор. – Поправимся.

Тому было все равно, что есть. Appetit отсутствовал напрочь.

За соседним столиком обедали двое солидных мужчин. Орешкин бросал в их сторону косые взгляды.

– Нервничаешь? – осведомился Роман. – Боишься, от начальства достанется за вчерашнее?

– Видишь тех двоих? – опустив глаза, пробормотал администратор. – Один из них – папаша твоей барышни. Тот, что без очков.

– Она не моя.

– Не придирайся. В общем, это господин Туровский. Рядом с ним – генеральный директор его компании. Они завязтые лыжники. В нашем пансионате не первый раз. Хотя могут себе позволить любой лыжный курорт. А вон те молодчики за следующим столиком – телохранители Туровского.

– Мне-то что? – пожал плечами Лавров.

– Ты к барышне, случайно, не приставал? – допытывался администратор.

– Я *случайно* не пристаю.

– Понимаешь... тут такое дело...

Официантка принесла закуски и квас. Орешкин замолчал и сидел с закрытым ртом, пока она не отошла.

– Что за секреты, Славик? – рассердился Лавров. – Я вообще-то намерен отдохнуть. Ты обещал жилье мне подобрать в Верее. Номер, где я ночевал, небось, дорогой. За сутки я заплачу, но на большее...

– Туровский о тебе расспрашивал сегодня утром, – перебил администратор. – Это неспроста, я сразу смекнул. Что у тебя с его дочкой?

– Ничего. Мамой клянусь.

Лавров вздохнул и попробовал квас. Тот оказался холодным и в меру кислым, с запахом ржаного хлеба. Видно, натуральный. С перепоею то, что надо.

– Темнишь, Рома, – не поверил товарищ. – С чего бы Туровскому о тебе справки наводить?

– Ты бы у него и спросил.

– Ну да! Я себе не враг.

Лавров внезапно поймал на себе пристальный изучающий взгляд. Это господин Туровский бесцеремонно уставился на него. Вот еще, не было печали!

Между тем презентабельный господин позвал администратора. Орешкин вскочил и на полусогнутых кинулся к соседнему столику. Они с Туровским перебросились парой фраз, после чего Славик вернулся с бутылкой коньяка в руках.

– Это от Туровского, – выдохнул он, смахивая испарину со лба. – Он хочет познакомиться с тобой.

– А я не хочу, – отрезал Лавров.

– Ты рехнулся! – опешил администратор. – Это не обсуждается. Не будь идиотом, Рома, – нервно зашептал он. – Не подставляй меня! Мы же друзья, как-никак.

– Ладно, черт с тобой... зови его сюда.

– Сюда? К нам?

Но Туровский уже уловил суть дела, поднялся с места и махнул администратору рукой. Свободен, мол...

Глава 6

Лавров после вчерашнего отказался пить, и важный господин понимающе кивнул. Он и сам не был сторонником возлияний по любому поводу.

– Нет так нет. Я, собственно, намерен поблагодарить тебя за дочь. Ты не оставил ее одну на дороге. Она не могла мне дозвониться, и бог знает, сколько бы ей пришлось ждать помощи. Я твой должник.

– Пустяки.

– Меня зовут Борис Евгеньевич, – запоздало сообщил Туровский.

– А меня вам уже, вероятно, представили, – усмехнулся Роман.

– Ты прав...

Туровский выглядел уставшим и обеспокоенным. Взгляд острый, но под глазами мешки, седина в коротких темных волосах. Фигура немного оплывшая, грузная. Одет в кашемировую кофту поверх рубашки и спортивные брюки. На безымянном пальце – массивное обручальное кольцо.

– Считайте, что мы квиты, – сказал Лавров, кивая на бутылку с французским коньяком. Туровский посмотрел на нетронутые закуски.

– Я перебил тебе аппетит?

– У меня его и не было.

Генеральный директор Туровского, который пил кофе и исподволь наблюдал за боссом, чем-то напомнил бывшему начальнику охраны его шефа Колбина. Наверное, очками.

– Ты мне нравишься, – неожиданно признался Борис Евгеньевич. – Женат? Или холостякуешь?

– Предпочитаю свободу.

– Похвально.

– Рад, что угодил вам.

– Не ерничай, – склонил голову набок Туровский. – Мы ведь можем подружиться. Как тебе этот пансионат?

– Мило, уютно. Но в Альпах, без сомнения, сервис получше. И виды живописнее.

– Альпы, конечно, вне конкуренции, – вздохнул Борис Евгеньевич. – А я здесь отдыхаю. Из-за дочери. Она живет неподалеку, в имении «Дубрава». Не говорила?

– Нет.

– Она у меня скрытная, слова не вытянешь.

– Я заметил, – осторожно произнес Роман.

– Катерина – мой единственный ребенок. Наследница всего моего состояния. Мы с женой души в ней не чаем. У тебя есть дети?

– Пока не обзавелся.

Туровский машинально потянулся к салфетке и скомкал ее.

– Надеюсь, ты меня поймешь. Ради дочери я готов на все. Ее счастье – превыше моего. Зачем я живу, по-твоему? Зачем работаю на пределе сил? Чтобы Катенька ни в чем не нуждалась.

«К чему он клонит? – размышлял Лавров. – *Неужели сватает?*»

Это показалось ему настолько невероятным, что он улыбнулся своим фантазиям. Борис Евгеньевич принял его улыбку на свой счет.

– Тебе смешно, парень? А у меня душа болит!

– Простите.

Он не стал оправдываться, а Туровский смерил его оценивающим взглядом и остался доволен. Этот молодой мужчина как никто другой подходил для того, что он задумал.

– Оставим лирику, – сказал он. – У меня к тебе деловое предложение.

– Боюсь, я не смогу его принять.

– Не торопись, Роман, сначала выслушай.

– Я приехал на отдых.

– Что ж, будешь сочетать полезное с приятным, – улыбнулся Борис Евгеньевич. – И за это я тебе буду платить немалые деньги.

Официантка принесла на подносе мясо в горшочках и дымящиеся пельмени.

– Угощайтесь, – предложил Лавров своему визави, приоткрывая крышку глиняного горшочка. – М-мм! Пахнет чудесно. Надо есть, пока горячее.

– Ты ешь и слушай.

Роман так и поступил. Он вежливо кивнул и принялся за мясо, чтобы чем-нибудь занять рот и не наговорить Туровскому резкостей.

– Вкусно? – поинтересовался тот.

– Весьма. Попробуйте.

– Я сыт, – отказался Борис Евгеньевич. – В моем возрасте излишества противопоказаны. Вернемся к нашим баранам. Тебе понравилась моя дочь?

«Все-таки сватает! – не поверил своим ушам Лавров. – Поразительно!»

– Она красавица, – не покривил он душой.

– Ей бы ума побольше.

– Вам виднее.

Он поглощал мясо, заинтригованный словами Туровского.

– Я хочу, чтобы ты поухаживал за ней. Вскружи ей голову. Наверняка! Понимаешь? Чтобы она увлеклась тобой по-настоящему, до потери пульса.

Роман поперхнулся, перестал жевать и закашлялся.

– Тебе не послышалось, – жестко произнес бизнесмен. – Я хочу, чтобы моя дочь влюбилась в тебя, и готов заплатить за твои старания. Ты хорош собой, самоуверен. Женщины падки на таких, как ты.

– Не все... – выдавил Лавров, которому на ум пришла Глория.

– Это нормально. Потому и цена за твою услугу высокая.

Туровский достал из кармана ручку, взял салфетку и начертил на ней сумму с тремя нулями.

Лавров скривился, поднял брови, и Борис Евгеньевич добавил еще один ноль.

– Теперь согласен? Половину вперед, авансом. В случае успеха я выплачиваю тебе вторую половину. Кроме того, я полностью беру на себя все твои текущие расходы – питание, проживание, развлечения. Разумеется, деньги на цветы и подарки для моей дочери... которые ты должен будешь преподносить ей, пойдут не из твоего гонорара, а из моего кармана. Не скупись. Я дам тебе для начала немного налички.

Он поманил пальцем директора, тот послушно вскочил и принес боссу пухлый конверт с деньгами.

– Этого хватит на первое время.

– По... почему я? – опешил бывший начальник охраны.

– Лишний вопрос, – поморщился Туровский, жестом отсылая директора. – Катя еще здесь, в пансионате. Я отправил ее принимать спа-процедуры. Приступай сегодня же.

Роман грозно покосился на Орешкина. Тот опустил глаза и порозовел. Его работа, как пить дать.

– Что он наговорил вам про меня? – спросил Лавров, кивком головы показывая на администратора. – Я не жиголо.

– У тебя другая специализация, – вздохнул бизнесмен. – Я в курсе. Ты как раз подходишь, по всем статьям. Ты новый человек в наших краях. Тебя никто не знает. Ты способен защитить женщину.

– Кате что-то угрожает?

– Жизнь порой преподносит нам уроки, к которым лучше быть готовым.

– Вы нанимаете меня телохранителем к вашей дочери? – уточнил Лавров.

– Твоя задача – заставить Катю потерять голову от любви. Почему-то я уверен: у тебя получится. Ты близок к ее идеалу мужчины. Она романтична, и ты сыграешь на этой струнке. В юности ее любимой героиней была Анжелика из пошлого фильма о любовных похождениях светской дамы. Катя выкрасила волосы в рыжий цвет и стала мечтать о таком же муже, как Жоффрей де Пейрак, который... впрочем, ты, вероятно, видел фильм. А если нет, я пришлю тебе в номер флэшку с записью.

– Я думал, в наше время девушки мечтают об иных героях.

– К сожалению, мечта моей дочери почти осуществилась, – заявил Туровский. – Она получила в мужа престранного молодого человека. Правда, у него нет шрама на лице, и он не хромает, как граф де Пейрак. Но кое в чем они схожи. Не могу себе простить, что вовремя не разглядел в нем дурных наклонностей. Меня подкупила родовитость Прозориных. Их генеалогические корни переплелись со знатными фамилиями, в том числе с французским родом Монморанси.

– Ваша дочь – замужем? – поразился Лавров.

– Тебя это удивляет? Да, она замужем. «Дубрава» – собственность ее супруга и моего зятя. Он получил усадьбу в наследство от своего покойного деда. Порядочный человек был Аким Иванович, умный и дальновидный. Жаль, внук не в него удался. В семье не без урода, знаешь ли.

Лавров потянулся за квасом.

– Почему бы вашей дочери просто не развестись с мужем? – промочив горло, осведомился он.

– Не твоего ума дело.

– Послушайте, я не из любопытства интересуюсь. Я должен владеть ситуацией. В противном случае мы не договоримся.

– Катя любит Прозорина! В том-то и загвоздка. Они десять лет женаты, и она не охладела к нему, как я надеялся. Он...

– ...околдовал ее? – догадался Лавров. – Пустил в ход приворотные чары.

– Я и этого не исключаю.

– Против чар я бессилён, – улыбнулся бывший начальник охраны. – Вы не к тому обратились, господин Туровский.

– Клин клином вышибают. Вот ты и станешь тем клином, который вышибет Сергея из сердца моей дочери. Я много думал, и ничего лучшего мне в голову не пришло. Я не могу причинить боль своему ребенку. А любое насилие – это боль. Пусть Катя сама полюбит другого, тогда ее глаза откроются и она увидит, с кем связалась.

– Отличный способ.

– Зря иронизируешь, – нахмурился бизнесмен. – Новая любовь вытеснит старую. Катя очнется наконец. Я смогу поговорить с ней, убедить ее...

– В чем? Что ее муж вам не по душе? Я отказываюсь в этом участвовать. Нельзя играть чувствами. Что, если ваша дочь полюбит меня? Как мне потом смотреть ей в глаза? Что говорить в свое оправдание?

– Я обо всем позабочусь. Главное, чтобы Катя разлюбила Сергея, перестала слепо доверять ему. Она одержима этим человеком! Ты понимаешь?

– Я отказываюсь, – повторил Роман. – Обманывать женщину, притворяться влюбленным не по мне.

– Я увеличу твой гонорар.

– Все равно нет.

– Ты отдохнешь за мой счет, – не сдавался Туровский. – Заодно проведешь время с прелестной молодой особой. Не крокодила же я тебе предлагаю очаровывать?! Что ты ломаешься?

– Простите, я не смогу.

Туровский, видимо, не привык к отказам. Он побагровел и тяжело дышал, ища в уме доводы, способные склонить оппонента к согласию.

– Ты слышал о маньяке, который в этих краях убивает молодых женщин?

– Да, – кивнул Роман. – Только не говорите мне, что маньяк – не кто иной, как ваш зять.

– А если это так и есть?

– Обращайтесь в полицию, Борис Евгеньевич.

– Ладно, я погорячился, – отступил тот. – Не отрицаю, я готов заподозрить зятя в чем угодно, лишь бы опорочить его в глазах Кати. Когда-то я опрометчиво позволил им пожениться. Дочь была по-детски наивной и послушалась моего совета. В этом целиком моя вина. Помогите мне! Авось, и я когда-нибудь пригожусь. Я слышал, ты ушел с работы? Готов предоставить тебе выгодную вакансию.

Лавров сердито сжал губы. Ох уж эти толстосумы! Решили, что у них весь мир в кармане.

Он вспомнил нежный профиль Кати, запах лесных фиалок, исходящий от нее, и у него защемило в груди. По закону подлости его отказ может привести к ужасным последствиям. А ведь он назвался ее ангелом-хранителем.

Что он теряет, согласившись приударить за чужой женой? Как будто в первый раз! Ради дела он пускался на разные ухищрения. Вдруг подозрения Туровского не беспочвенны? Катя вчера была напугана, боялась выйти из машины. Слухи о маньяке быстро распространяются и обрастают домыслами. Однако не стоит недооценивать опасность.

– Существуют детективные агентства, которые специализируются на подобных вещах. Я имею в виду то, что вы предлагаете мне. Почему бы вам не обратиться туда?

– Это слишком цинично, – качнул головой Туровский. – Ты – совсем другое. Ты одиночка. И потом, ты уже знаком с Катей. Судьба свела вас не случайно. Ну что, по рукам?

– Ладно, ваша взяла. Только у меня условие. Приемы «обольщения» я буду выбирать сам. Вы не станете вмешиваться.

– Будь по-твоему.

– Я не намерен обременять вас лишними расходами.

– Женщины любят внимание и подарки.

– Я взял это на заметку, – заверил Лавров. – И последнее. Как далеко я могу зайти?

Похоже, сие деликатное обстоятельство Туровский обдумал заранее. По крайней мере, вопрос не застал его врасплох.

– Напекаешь на постель? – усмехнулся он. – Катя уже не девочка. Если она пожелает... почему бы нет?..

* * *

Поместье «Дубрава»

Прозорин позвонил жене и выяснил, что она побудет еще денек с отцом, в пансионате. Они редко видятся.

– Хорошо, – коротко бросил супруг, занятый своими мыслями. – Может, пригласишь его к нам?

- Он любит лыжи, а у нас нет горок.
- К сожалению, – спокойно ответил Сергей.

На самом деле он совершенно не жаждал встречи с тестем. Между ними давно кошка пробежала. С тех самых пор, как Прозорин попробовал себя в бизнесе и понял, что коммерция – не его призвание.

После обеда он спустился в лабораторию к Федору, и они закрылись там до вечера.

Пылала печь, в колбах и пробирках что-то булькало, кипело и выпаривалось. Пахло копотью и химикатами. Но открыть окна и проветрить помещение было невозможно. Окон в лаборатории не было. Воздух очищал кондиционер, который частенько выходил из строя.

Прозорин сидел на стуле и наблюдал за работой Федора. Тот непрерывно двигался – подбрасывал уголь в печь, что-то подливал и подсыпал в сосуды для перегонки таинственных жидкостей. Периодически он произносил невнятные заклинания над бархатными футлярами, где находились его талисманы, – засушенные лапки животных, кусочки змеиной кожи, вырезанные из костей фигурки.

На полу лаборатории, прямо на каменных плитах, был начертан углем магический круг с замысловатыми знаками. На столе стоял маленький красный сундучок, внутри которого хранился мешочек черного шелка с серебряным перстнем. Этот перстень следовало надевать в особых случаях.

- Скоро ли мы получим результат, Франческо? – так хозяин обращался к Федору.

Тот сообщил, что в прошлом воплощении был итальянцем и посвятил себя магии и алхимии, в чем немало преуспел. Доказательство тому – его знания и навыки, так необходимые господину Прозорину. В самом деле, он без труда разбирался в изложенных на латыни и по-арабски трактатах, в которых сам Сергей не понимал ни слова.

- Процесс идет медленно.
- Нельзя ли его ускорить?
- Вам известно условие.
- Загляни в свою книгу, – взмолился Прозорин. – Нет ли другого способа?

В своих опытах Федор-Франческо пользовался пухлой истрепанной книгой в кожаном переплете. Страницы книги покрывали странные письмена, коряво нацарапанные чернилами бурого цвета. Франческо утверждал, что это – кровь.

- Другого способа нет, – покачал он головой.
- А что твой *подручный*? Можно ли мне с ним побеседовать?
- Он является только одному человеку.
- И этот человек – ты! – рассердился Сергей. – Я уже слышал твои отговорки. Если он служит тебе, то почему бы ему не встретиться и со мной?
- Он не может. Я объяснял почему. Ему нужна жертва.
- Непременно человеческая?

Федор-Франческо вместо ответа только сложил руки на груди и потупился. Ему надоело повторять одно и то же.

- А ты... приносил ему жертвы?
  - Давно, еще в средние века. Вы, должно быть, знаете, какие и сколько. Они подробно перечислены...
  - Хватит! – остановил его хозяин. – Довольно. Я все знаю. Но...
  - Значит, пусть процесс идет, как идет, – невозмутимо изрек Франческо. – Куда торопиться?
  - Ты меня дурачишь!
  - Нисколько. Исполните условие, и мой *подручный* предстанет перед вами.
  - Замолчи! – вспылал Сергей. – Или я вырву твой язык!
- Франческо спрятал улыбку в уголках губ и покорно вымолвил:

– Как вам будет угодно...

Глава 7

Пансионат «Лель»

Лавров, обескураженный неожиданным предложением Туровского и недовольный своей уступчивостью, вышел прогуляться по территории пансионата. Поразмыслить над созданным положением.

Ему нужны были деньги, но не это послужило решающим аргументом. Его сердце дрогнуло из-за Кати. Случись с ней что-нибудь, он себе не простит.

В конце концов, Туровский прав. Не так уж обременительно ухаживать за хорошенькой женщиной, да еще получать приличное жалованье. В случае неудачи он лишится второй половины гонорара, но оставшаяся сумма с лихвой компенсирует моральный ущерб.

Впрочем, о каком ущербе идет речь? Общение с Катей добавит перцу в его пресное пребывание на природе. Перспектива ничегонеделания пугала Лаврова. В голову будут лезть дурные мысли; чего доброго, он еще заскучает по Глории. А это совсем не то, ради чего он сюда притащился.

Морозный зимний день радовал глаз синевой неба, солнцем и снежным сверканием. Отдыхающие разбрелись кто куда. Одни обедали, другие отправились кататься на лыжах и снегоходах, третьи – такие, как Лавров, – еще не определились с времяпрепровождением.

Наверное, судьба ничего не имела против «задания», полученного бывшим начальником охраны от господина Туровского. Потому что ноги сами принесли его навстречу Кате.

Он учтиво поклонился и хотел пройти мимо, но она остановила его.

– Привет...

Катя была одета в ту же шубку из рыси, шерстяные лосины и короткие меховые сапожки. Из-под вязаной шапочки выбивались вьющиеся пряди. Она относилась к тем женщинам, чье отсутствие макияжа не портит, а украшает.

Лавров вежливо улыбнулся. Ее губы, покрытые бесцветной помадой, раздвинулись в ответной улыбке.

– Как ваш «ниссан»? – сухо осведомился он. – Полонку исправили?

Вместо комплимента он нарочно заговорил о машине. Первое правило оболыщенья гласит: никогда не делай того, чего от тебя ждет женщина.

Правда, на Глории его правила не работали. Но Катя – не Глория. К тому же она замужем. Начни он выказывать ей симпатию, она сразу уйдет. Нужно чем-то заинтересовать ее.

– Да, – кивнула она, разглядывая вчерашнего незнакомца. Сегодня он показался ей гораздо привлекательнее. – «Ниссан» уже здесь, на парковке.

Страх не было. Чего ей бояться в пансионате? Рядом отец, который в любой момент на связи. В Кате проснулась женская потребность во флирте.

– Давайте знакомиться, – сказала она, подавая Лаврову руку в варежке, вязанной из тех же ниток, что и шапка. – Меня зовут Катя.

– Роман, – представился он, обменявшись с ней бесстрастным пожатием.

Это равнодушие раззадорило ее. Она давно ни с кем не кокетничала. Ранний брак лишил ее многих радостей, свойственных молодым девушкам.

– Прогуляемся? – предложила она. – Я хочу извиниться за вчерашнее.

– Не стоит. Я не в обиде. Даже польщен. Впервые в жизни меня приняли за маньяка.

– Я в самом деле испугалась.

– Вы меня заинтриговали, – оживился Лавров. – Здесь правда орудует маньяк?

– Думаете, я все придумала? Если бы так!

– Обожаю ловить маньяков, – засмеялся он. – Это мое хобби.

– Правда? – развеселилась Катя. – Вы сыщик?

- В некотором роде.
- Теперь вы меня интригуете...

Между ними завязался непринужденный разговор, возникло ни к чему не обязывающее взаимное расположение. Катя чувствовала себя легко и свободно. Она не делала ничего дурного, прогуливаясь с этим во всех отношениях приятным молодым человеком.

В глубине души она делала это назло мужу, который все свободное время посвящал либо лошадям, либо своим научным опытам, запираясь в лаборатории с Федором. Но Катя ни за что не призналась бы, что ревнует супруга к новому приятелю.

Она тоже может завести знакомство. И развлекаться, – вместо того, чтобы изнывать от скуки в четырех стенах.

Катя не жаловалась отцу на Сергея: тот и так недолюбливает зятя. Она не хотела подливать масла в огонь. Напротив, всячески выгораживала мужа. Но дать выход эмоциям порой необходимо. Знакомство с Лавровым казалось ей маленькой мстью, которую она могла себе позволить.

– Давайте вместе искать маньяка, – улыбнулся он. – Мне нужен помощник. Один я не справлюсь. Вы здесь живете, знаете местный уклад и людей. Будете моими глазами и ушами.

Катя весело кивнула. Надо же на чем-то строить отношения, иметь повод для встреч. Это будет приключение, игра с привкусом опасности. Не реальной, разумеется, а нарочной, которая щекочет нервы.

– У нас получится? – бросила она на спутника любопытный взгляд.

– Я гарантирую, – кивнул он. – Злодею крышка. Мы его выследим и поймаем. Даю слово.

Роман делал вид, что все это серьезно. Катя притворялась, что верит ему. Впервые за много месяцев она забыла о своих семейных проблемах.

– Вы в самом деле сыщик?

– Я тайный агент Ее Величества! – посмеивался Лавров. – Меня послали сюда выявить душегуба и передать его в руки правосудия.

Он придерживался второго правила обольщения: никогда не раскрывать карты и прибегать козырь в рукаве. Обычно это действовало на женщин магически. Исключением была Глория.

Глаза Кати загорелись. Она сама взяла Лаврова под руку и доверительно прошептала:

– Как интересно!

– Для всех, кроме вас, я обычный отдыхающий.

– Конечно, – улыбалась Катя.

– Если в ходе расследования мне понадобится посетить вашу усадьбу, вы пригласите меня в гости?

– Конечно! – повторила она, думая, что визит этого симпатичного брюнета будет как нельзя кстати. В противовес Федору она тоже обзаведется приятелем. То, что приятель – мужчина, только обострит ситуацию. Пусть супруг забеспокоится. А то их отношения превратились в стоячее болото.

Катя оживилась. Теперь она совсем не походила на ту надменную молчаливую барышню, которую Лавров вез вчера в пансионат. Лед тронулся.

– Расскажите мне о пропавших прошлой зимой девушках. Кто они?

– Местные. Одна работала официанткой в пансионате, а вторая – ее подруга. Обе жили в деревне Веселки. Там у мужа дача, – зачем-то добавила Катя. – Она досталась Сереже от деда. Муж вырос на его руках. Его родители рано умерли.

– Значит, у вас нет ни свекра, ни свекрови? Что с ними случилось?

– Погибли в автомобильной аварии. Сережа их почти не помнит. Его воспитывал дед.

То, что пропавшие девушки родом из Веселок, где находится дача Прозорина, объясняет подозрения его тестя. Он усматривает в этом совпадении некую связь.

- Как часто вы бываете на даче? – спросил Роман.
- Я была там всего один раз. Это большой деревянный дом, похожий на терем. Сережа так его и называет: Терем. Вернее, называл. Три года назад дом сгорел.
- Сгорел? Почему?
- Не знаю. Говорят, из-за проводки. Произошло замыкание. Я не очень-то разбираюсь в этом. Сережа тяжело переживал потерю дома, просто сам не свой ходил. Но потом ничего, успокоился. Он собирается восстановить Терем.
- Кто-нибудь пострадал при пожаре?
- В доме никого не было. Сторожиха, которая присматривала за ним, на свое счастье, заболела. Иначе не спаслась бы, – вздохнула Катя. – Тем летом стояла ужасная жара, сушь. Дом занялся, как факел, моментально выгорел.
- Жаль, – посочувствовал Лавров.
- Для Сережи это был удар.
- А для вас?
- Мне-то что? – пожала она плечами. – Это муж провел там детство, ездил туда на каникулы. После смерти деда он постоянно навещался на дачу.
- Ностальгия по прошлому?
- Наверное, – кивнула Катя. – А мне Терем не понравился. Сережа звал меня с собой на дачу, но я отказывалась ехать. Как будто предчувствовала что-то страшное.
- Пожар?
- Может, и пожар. Не знаю. Только я туда больше ни ногой. Муж даже обижался. Ему хотелось, чтобы я полюбила Терем так же, как он.
- Интере-сно, – протянул Лавров. – Покажете мне этот ваш Терем?
- Так ведь от него ничего не осталось!
- Что-то всегда остается. Фундамент, обгорелые бревна, дымоход.
- Зачем вам разоренное пепелище? – удивилась Катя. – Там все снегом засыпано. Но если вам очень хочется, поедem...

* * *

Черный Лог

Глория улеглась спать с мыслью о Лаврове.

Вряд ли ему удастся отдохнуть там, куда он отправился. Зато хоть отвлечется от бывшей работы. Он нуждается в определенной свободе. Полной свободы не бывает, но строгого графика и подчиненности чужим приказам можно избежать. Трудиться на самого себя, к примеру.

– Или на меня, – вымолвила она и улыбнулась.

Никуда он от нее не денется. Погуляет на воле и вернется.

Во сне Глория увидела Лаврова с молодой барышней. Та была замужем. Какой-то человек раздувал огонь в печи, произносил неразборчивые заклинания, колдовал над сосудами с кипящей жидкостью...

На берегу реки пылал огромный костер. Это горел деревянный дом. Оттуда раздался истошный крик, вопль отчаяния и смертной муки. Глория содрогнулась, засмотрелась на языки пламени и... очнулась в уже знакомом каземате. Ей приходилось бывать здесь. Сюда приводил ее хозяин призрачного дворца.

Дрожащий от ужаса перед пытками человек обвинял своего господина в чудовищных преступлениях. Инквизиторы внимали ему с изумлением и оторопью. Не часто им доводилось слышать такое.

– Он... дьявол, колдун и убийца... – бормотал слуга. – Он вызывал демонов и приносил им жертвы! Он... хотел получить золото. Много золота! За это он поил демонов кровью невинных детей...

– Сколько детей погубил твой хозяин?

– Мы с Пуату потеряли им счет. Их заманивали в замок обманом, особенно в дни раздачи милостыни... и похищали, где придется.

– А женщин?

– Их тоже... похищали по приказу господина. Он забавлялся с ними, потом убивал. Перерезал им горло и смотрел, как они умирают.

– Он обезумел от проливаемой крови! – воскликнул инквизитор.

– Да, да! Он удовлетворял свою похоть все более изощренными способами... и наслаждался страданиями пленников. Он собирал отрубленные головы и любовался ими...

– Что еще ты можешь добавить?

– В полнолуние по его замку бегала громадная черная собака, а изо всех щелей вылезали ядовитые змеи и мерзкие жабы! В подземном зале раздавались крики совы и вопли несчастных, которых умерщвляли самым жестоким образом!

– Куда девались трупы погибших?

– Мы с Пуату сбрасывали их в колодец, закапывали в лесу, кидали в реку... сжигали на господской кухне. Там есть огромный очаг, куда помещается целый баран на вертеле. А еще...

Каких только злодейств не перечисляли свидетели, а допросы все продолжались. Преступник сначала отпирался и называл обвинения ложью, но потом, сломленный, признал себя погрязшим в грехе, ереси и распутстве, а также сознался в бесчисленных убийствах и служении дьяволу.

Он выглядел изможденным и подавленным. В застенке его насильно заставляли пить зелье, якобы развязывающее язык. Инквизитор настаивал, что подсудимый что-то скрывает и его необходимо вновь подвергнуть пытке.

– Разве я не возвел на себя вину, которой хватило бы, чтобы осудить на смерть тысячу человек! – вскричал он в отчаянии. – Чего же еще вы от меня хотите?!

Глория проснулась в холодном поту. Она лежала, глядя в потолок – без мыслей, без чувств. Но едва веки ее опустились, как кровавая драма развернулась перед ней в еще более ярких красках и подробностях.

Сцены судилища, истязаний и казни перемежались сценами покаяния, церковных месс и алхимических опытов.

– Не смотри на это, – уговаривал ее карлик.

Но она, замороженная ужасами жизни и смерти, явленными ей в самых безобразных обличьях, пыталась понять причину столь зверской жестокости. Добро ли боролось со злом, или зло ополчилось на добро, но в этой борьбе использовалось одно и то же оружие – мучения и гибель.

Осужденный вельможа кончил позорной смертью. Он обладал несметными богатствами, был красив, умен, храбр и блестяще образован. Отважный воин и верный подданный французской короны, он поспособствовал освобождению своей страны от англичан, которые оккупировали значительную часть ее территории.

Шла Столетняя война³, порожденная притязаниями английского короля Эдуарда III на французский трон. Войска англичан повсюду теснили французов и осадили город Орлеан. Защитники города сражались упорно, но исход битвы казался предрешенным.

---

³ Столетняя война – вооруженный конфликт между Англией и Францией (фактически серия войн), который начался в 1337 году и длился до 1453 года.

Глория обозревала панораму военных действий как будто с высоты птичьего полета. Британцы выглядели букашками в железных шлемах, ползающими по зеленому берегу Луары. Над осажденным городом клубились дымы пожаров.

Маленький отряд храбрецов проник в Орлеан, чего враги не ожидали, и пришел на помощь обороняющимся. Во главе отряда был рыцарь в блестящих на солнце доспехах. Его появление необычайно воодушевило французов.

– Ах, вот оно что!.. – прошептала Глория. – Вот что!..

С этими словами она проснулась уже окончательно.

– Агафон! – воскликнула она, садясь на кровати и ища глазами карлика. – Почему ты сразу мне все не объяснил?

Тот устроился в кресле, болтая короткими кривыми ножками. Прекрасный Нарцисс с уродливым туловищем. Длинные обезьяньи руки карлика лежали на подлокотниках; лицо, обращенное к Глории, улыбалось.

– Зачем объяснения, моя царица? Если все известно наперед, какой интерес жить?

Сказал – и растаял в воздухе. Исчез. Возможно, он существовал только в ее воображении.

– Лавров, Лавров, – вдруг пробормотала она. – Во что ты вляпался?

Глава 8

Пансионат «Лель»

Лавров вставил врученную ему Туровским флэшку в медицентр и запустил фильм.

– «Анжелика – маркиза ангелов», – прочитал он на экране, вздохнул и добавил, – ясно.

Белиберда.

Однако он привык добросовестно подходить к делу, за которое брался. Поэтому покорно улегся перед телевизором. Какого черта клиент всучил ему эту старую ленту?

– Только бы не уснуть, – пробурчал он, устраиваясь поудобнее.

В дверь постучали.

– Входите, – громко сказал он.

– Ты еще не спишь? – осведомился Орешкин. – Поговорим?

– Валяй, – злобно покосился на него Роман.

Администратор бочком проскользнул в номер. Теперь Лавров не просто его приятель. Теперь он сошелся с самим Туровским. Тот оплатил его проживание в люксе на месяц вперед и дал указание всячески угождать гостю и незамедлительно выполнять любое его требование.

– Ты стал важной птицей, – заметил Славик, усаживаясь на стул. – Чем ты приглянулся Туровскому?

– Для меня самого это загадка.

– Ты вовремя подсуетился. Я насчет дочери Туровского. Тебе удалось втереться к ней в доверие. Видно, она замолвила за тебя словечко перед папиком. С чего он вдруг расшедрился?

– Да уж не задаром, – с досадой буркнул Лавров.

– Он взял тебя на работу?

– Отстань.

– Ладно, – без обиды согласился администратор. – Везунчик ты, Рома. Не успел приехать, уже в дамках.

– Это бабушка надвое сказала.

– Что за хрень ты смотришь? – удивился Орешкин, заметив, какой фильм идет по телевизору. – У нас спутниковая антенна, куча каналов. Переключи на спорт или эротику.

– Мне это нравится.

– Понял, – кивнул администратор, сторая от любопытства, но не смея задавать лишних вопросов. – Я, собственно, пришел выяснить, не желаешь ли ты заказать сауну или массаж.

– Эротический?

– Можно! – хохотнул Орешкин. – Все оплачено. Я к тебе девочку пришлю.

– В другой раз.

Он не спешил уходить, и Лавров решил этим воспользоваться.

– Что за слухи у вас тут ходят про маньяка?

Орешкин зыркнул на него черными цыганскими глазами и дернул подбородком.

– Не слухи, Рома. В наших местах настоящий вурдалак завелся. Вот те крест! Прошлой зимой двух девиц в лес утащил и с концами. А недавно еще одну прикончил.

– Вурдалак? Оборотень, что ли?

– А кто же еще? У нас места глухие, народу немного, все на виду. Значит, он ничем не выделяется. Днем обычный человек, а ночью зверем становится.

– Почему именно ночью?

– В полнолуние, – понизил голос администратор. – Той ночью, когда девчонки пропали, была полная луна. Я обратил внимание.

– Где это случилось?

– Что?

– Исчезновение!

– А-а... в лесу, наверное. Одна из пропавших работала у нас официанткой. Лизой ее звали. К ней приехала подруга, Зина. Мы побеседовали. Она хотела к нам на работу устроиться. В Веселках заниматься нечем, а в Москву мотаться далековато. Вот девочка и пришла попытать счастья.

– И как? Привалило счастье-то?

Орешкин смущенно заерзал, прокашлялся.

– Скажешь тоже. Я вынужден был ей отказать. Зина внешностью не вышла. Курносая, конопатая, неуклюжая. Страшенькая, одним словом.

– А потом что было?

– Лиза обслуживала праздничный ужин. Подруга осталась ее ждать. Тем вечером один из отдыхающих отмечал день рождения. Задержались допоздна. Вот...

Орешкин засмотрелся на экран телевизора, где прелестная Анжелика с ужасом ожидала встречи с женихом, которого ей расписали хромым уродом и колдуном.

– Что «вот»? – рассердился Лавров. – Говори толком.

– Чего говорить-то? – встрепенулся администратор. – Собрались Лиза с Зиной домой, в Веселки, и пошли. Больше их никто не видел.

– У вас обычай такой, чтобы молодые девушки на ночь глядя одни добирались до дому?

– Я предлагал им переночевать в пансионате, в комнате для персонала. Но они отказались. В общем, это в порядке вещей. Когда нет рейсового автобуса до Веселок, местные идут пешком через лес. Здесь к этому привыкли.

– Через лес? – поразился Роман. – В темноте? Зимой?

– А что такого? Им не впервой. Тут не столица, блин. Метро еще не проложили, такси не поймашь. Мороза всего градусов пять было, луна светила, дорожка протоптана. Если взять наискосок, лесом, то идти, по здешним меркам, всего ничего. У нас всегда спокойно было, ничего не случалось. К тому же подруги надеялись, что их по дороге подхватит охранник из «Дубравы» и доставит в Веселки. Он обещал. Правда, для этого ему пришлось бы сделать крюк.

– Отсюда прошу подробнее, – попросил Лавров. – Какой охранник?

– Сказал же, из «Дубравы». Это поместье Кати и ее мужа, Сергея Прозорина. Дом расположен как раз между пансионатом и Веселками. От них до деревни рукой подать.

– Продолжай.

– Ну, все. Пропали девки. В Веселки не дошли и назад не вернулись.

– А что охранник говорит?

– Он их не видел. Вероятно, они в лес свернули, там машина не проедет.

– Зачем же им в лес сворачивать, если... – Лавров запнулся и замолчал.

У девушек могла быть причина, по которой они торопились домой. Чего-то испугались, к примеру, или замерзли. Пять градусов тоже мороз.

– Когда их хватились?

– На следующий день. Сначала местные сами в лесу искали, потом нам позвонили, а мы связались с «Дубравой», с охранником. Тот объяснил, что всю дорогу выглядывал девчонок, но их не было.

– В полицию заявили?

– Конечно. Только они через три дня заявление принимают, как тебе известно. А за три дня все снегом замело. Метель, мороз. Какие поиски? Участкового послали с опросом по деревне. И к нам в пансионат приезжали, и в «Дубраву». Всех допытывали, что да как.

– Безрезультатно?

Орешкин удрученно кивнул.

– В конце концов следователь решил, что девчонки сбежали из дому таким хитрым способом. Трупов не нашли, поэтому дело открыли по факту исчезновения, да и оно быстро

заглохло. Сколько людей у нас пропадает без вести, сам знаешь. А недели две назад хозяин «Дубравы» обнаружил в лесу труп девушки. Катался на лошади и наткнулся на тело.

– В том же лесу, куда предположительно свернули с дороги Лиза и Зина?

– Вижу, в тебе проснулся сыщик.

– Угадал.

– Не долго музыка играла, – усмехнулся Славик. – Приехал отдохнуть, а сам впрягаешься в расследование. Зря! Если это серия, то поймать убийцу будет непросто. Такие преступления тянутся годами.

– О серии говорить рано. Один труп не дает основания для подобного вывода.

– В том-то и беда. Местные оперативники старательно избегают даже намека на серию. Им эта головная боль ни к чему. Но людям рот не заткнешь. С тех пор, как в лесу нашли труп девушки, поползли слухи про маньяка.

– Сам что думаешь?

– Похоже, в наших краях завелся душегуб. Первые два трупа ему удалось надежно спрятать, а с третьим осечка вышла. Только я тебе этого не говорил, – спохватился администратор.

– Разумеется. Личность погибшей установили?

– При ней не было документов, но тело опознала жительница Веселок. Убитая оказалась ее племянницей, которая ехала к тетке погостить.

– Как убили девушку?

– Задушили ее же шарфом. Потом вскрыли яремную вену на шее.

– Рану нанесли уже после смерти? – удивился Лавров. – Зачем?

– У маньяка своя логика. Вероятно, ему нравится кровь.

На экране телевизора между тем развивалась история любви рыжекудрой красавицы Анжелики и хромого графа.

– Следствие идет? Есть какие-то подвижки? – спросил Лавров.

– Опросили всех, кого посчитали нужным, обследовали место преступления. В тот день шел снег. А девушку убили накануне вечером. Ее звали Ирина Кротова.

– Как же она не побоялась идти одна через лес?

– Кротова живет в Верее. Она могла не знать о прошлогоднем событии. Я имею в виду исчезновение Лизы с подружкой. Вероятно, она не дождалась автобуса и решила идти пешком... или кто-то предложил ее подвезти. По дороге убил, вытащил из машины и приволок в лес. Там и отворил кровь.

– Тем вечером охранник из «Дубравы» тоже оттягивался в вашем пансионате?

– Нет, – покачал головой Славик. – В тот вечер его не было. Как ты понимаешь, мы очень заинтересованы в поимке убийцы. От этого зависит репутация пансионата. Из-за дурных слухов к нам перестанут ездить женщины. А они составляют половину нашей клиентуры.

– Вот как?

– Дамы проводят в пансионате зимние отпуска. Сейчас стало модным делить отпуск пополам. Летом – море, солнце, дайвинг; зимой – лыжи, сауна. Кроме того, у нас можно познакомиться с мужчиной и закрутить роман.

– Обалденная перспектива! – саркастически улыбнулся Лавров.

– Кстати, да. Это делает наше заведение особенно привлекательным для бизнес-леди средней руки.

– Вам нечего опасаться. Убийца не нападает на отдыхающих.

– Пока не нападает, – заметил Орешкин. – Неизвестно, что будет завтра. Мы всех предупреждаем, чтобы без нужды не покидали территорию пансионата. Но люди есть люди. Им не запретишь бродить где вздумается.

– Ты лично знаком с Прозориным?

– С хозяином «Дубравы»? Чисто по-деловому. Мы покупали у него пару лошадок для конных прогулок.

– Он бывает у вас в пансионате?

– Редко. Прозорин живет довольно замкнуто, занимается своим поместьем, разводит лошадей. Зато его тесть, Туровский, зачастил к нам. Здесь он встречается с дочерью.

– Почему здесь, а не в «Дубраве»? – любопытствовал Роман.

– Видимо, он не очень-то ладит с зятем. Иначе с чего бы Катя приезжала к нам, а не приглашала отца к себе в дом.

Администратор подтвердил слова Туровского. Тот недолюбливает зятя и посещает пансионат, чтобы видеться с дочерью.

– Что ты можешь сказать о Прозорине?

Тема беседы становилась все более скользкой, и Орешкин взмок от напряжения. Его залысины покрылись испариной.

– Ну и вопросыки у тебя! Внешне Прозорин производит впечатление уверенного в себе, обеспеченного человека, который знает, чего хочет. Красив, немногословен, держится с достоинством.

– Со всех сторон положительный?

– Получается, так. Живет на доходы от своей доли бизнеса, который ведет Туровский. Любит жену. Не пьет, насколько я слышан. В прошлом году выделил деньги на ремонт дороги. Теперь хоть проехать можно до Веселок на легковушке в любую погоду.

– Хороший человек, – подытожил Лавров.

Администратор пожал плечами.

– Водятся за ним странности. Богатые, они по-своему с ума сходят.

– В смысле?

Орешкин замаялся. Его терзали сомнения. Он чувствовал себя между двух огней. Туровский приказал во всем содействовать гостю, но...

– Понимаешь, Рома... надо же человеку как-то развлекаться в нашей глуши, – осторожно начал Славик. – Поговаривают, что Прозорин пригрозил у себя в доме подозрительного типа. Тот сутками торчит в подвале, химичит что-то. Типа опыты какие-то проводит. Прозорин называет его Франческо. Они так сдружились, что запираются в лаборатории даже по ночам. Естественно, Кате это не нравится.

– Это любому бы не понравилось. Ты намекаешь...

– У меня нет никаких доказательств, что они геи, – перебил администратор. – Однако сам подумай, что может настолько сблизить двух мужчин, если не секс?

Последние слова он произнес шепотом и оглянулся на дверь.

Лавров оторопело почесал затылок. Вот так номер! Если супруг Кати не той ориентации, то ясно, почему Туровский готов раскошелиться, лишь бы дочь влюбилась в нормального парня.

– Темнишь, Славик? – недоверчиво хмыкнул он. – Сам же говорил, что Прозорин любит жену.

– По крайней мере, никаких раздоров между ними не было. А теперь их семейная жизнь трещит по швам. И виной тому – угрюмый Франческо. На самом деле он не Франческо, а Федор. Приезжий, из Пскова. Рядится монахом, во все черное, и всех сторонится, кроме хозяина. На какой почве они снюхались, по-твоему?

– Мало ли. Кстати, откуда ты черпаешь сведения?

– От охранников из «Дубравы». Они оба бывают у нас в пансионате. Один чаще, другой реже. Выпьют, язык-то и развязывается. Особенно у Лехи.

– Значит, одного зовут Алексеем, а второго?

– Тарасом.

– Кто из них обещал подвезти пропавших девушек?

– Ты об этом? – сообразил Орешкин. – Леха. Он тогда сидел у нас в кафе, заигрывал с девочками. Тарас – тот похитрее будет. Чувак себе на уме. К нему на рябой кобыле не подъедешь. Знаешь, что их объединяет? Запах. С некоторых пор от обоих разит каким-то жутким парфюмом. Хоть нос затыкай.

Лавров догадался, что администратор является личным осведомителем Туровского. Тот платит, а Славик «стучит». Он нарочно подпаивает охранников Прозорина, чтобы выудить у них информацию. Небось, прибавка к жалованью выходит существенная.

Ситуация постепенно прояснялась. Неплохо было бы посетить «Дубраву» и самому поглядеть на обитателей поместья. Свести знакомство с Федей-Франческо, с Лехой, Тарасом и прочими работниками Прозориных. Сколько их всего?

Он задал этот вопрос Орешкину и получил обстоятельный ответ.

– В «Дубраве», кроме хозяев, Федора и охранников, проживают кухарка, горничная и конюх.

– Никто из них в пансионат не наведывается?

– Кроме Тараса и Лехи, никто.

– Персонал набирали из местных?

– Только охранники из Вереи, остальные – приезжие, нанятые через фирму, которая этим занимается. Люди должны быть проверенные, с рекомендациями. Вероятно, так и есть.

– Прозорин на прислугу не жалуется?

– Если и жалуется, то не мне.

– Логично. У Прозорина была дача в Веселках. Она сгорела. Ты что-нибудь знаешь о причинах пожара?

– Мне никто не докладывал, – вздохнул Славик, обескураженный этим допросом. – А в чем дело?

– Просто интересно.

– Кто бы говорил! По официальной версии, деревянный дом загорелся от неисправной проводки.

– А по неофициальной?

– Я думаю, с пожаром не все чисто. Кто-то поджег дом. Сам посуди, могла ли замкнуть проводка при выключенном рубильнике? На тот момент в доме никого не было. Сторожиха приболела, хозяин находился в «Дубраве». Электричеством никто не пользовался.

– Стояла жара, сушь, – заметил Лавров. – Может, рубильник забыли выключить.

– Все может быть. Только дом был построен на совесть, наверняка по всем правилам пожарной безопасности. Прежний хозяин, говорят, очень им дорожил. Нынешний тоже не оставлял «родовое гнездо» без внимания. Да и сам по себе Терем радовал глаз. Фигурные ставни, резьба, всякие финтифлюшки.

– Мог кто-то из зависти поджечь дом?

– Веселки – деревенька захудалая, народец там гнилой. Пьющих много. Мужики без дела сидят, на весь свет злые. От них жди чего угодно. Терем стоял на отшибе, над рекой. В отдалении от соседей, в стороне от дороги. Кто угодно иди и поджигай. Пока пожарники из Вереи приедут, все будет кончено.

– Н-да...

Глава 9

Туровский вышел из сауны, нырнул в бассейн. Поплескался и вернулся в парную.

Из головы не шла Катя, ее неудавшийся брак. То, что зять лентяй и бездельник, еще полбеда. Чего Борис Евгеньевич не мог ему простить, так это пренебрежительного отношения к дочери. Она, дуреха, ничего не видит. Не хочет видеть. Свет клином сошелся на Сереже. Чуть слово против него скажешь – дочь в слезы, в истерику.

– Тебя мне Бог послал, – прошептал Туровский, вспоминая Лаврова.

Катя, кроме своего муженька, – чтоб ему пусто было! – ни с кем не встречалась. Ей не с кем сравнить Сергея, вот она и вообразила, что замужем за принцем. А принц-то негодяем оказался, не оправдал надежд.

После сауны Борис Евгеньевич заказал ужин себе в номер, долго разговаривал по телефону с Москвой, потом позвонил Кате. Та не брала трубку. Видно, рано уснула. Оно и к лучшему.

Он прогулялся по скрипучему снегу, обдумывая предстоящую беседу с Лавровым. Что необходимо сказать, о чем следует промолчать.

За легким ужином Туровский окончательно определился со своей позицией. Он будет предельно лаконичен. Пусть Лавров сам добывает информацию. Даром, что ли, деньги ему платить?

Когда он приступил к чаю, в дверь постучали.

– А, это ты? – обрадовался Туровский. – Входи, входи... присаживайся. Я уж заждался. Как тебе моя Катя?

– Красавица, – улыбнулся Роман.

– Ну-с, чем могу помочь?

– Хотелось бы чаще с ней видиться. Я не умею ухаживать на расстоянии.

– За чем же дело стало?

– Завтра утром Катя возвращается домой, в «Дубраву».

– Напросись в сопровождающие, – посоветовал Борис Евгеньевич, прихлебывая чай. – Мне тебя учить?

– Какой я могу использовать предлог, чтобы пожить пару дней в «Дубраве»?

– Молодец, – кивнул бизнесмен. – Сразу быка за рога. Я в тебе не ошибся.

«Догадываюсь, откуда у тебя сведения обо мне, – непринужденно улыбаясь, подумал Лавров. – Орешкин с три короба наплел. У него язык без костей, а мне отдувайся!»

– Вы замолвите за меня словечко?

– Куда деваться, – прищурился Туровский. – Мой зять вдруг заделался заядлым библиофилом. Дед оставил ему много редких книг. Ты любишь книги?

По лицу собеседника он понял, что тот увлекается совсем другими вещами, и усмехнулся.

– Жаль! А то назвался бы собирателем антикварных изданий.

– Я согласен, – решительно заявил Роман.

Отец Кати смерил его скептическим взглядом.

– Впросак с этой легендой не попадешь?

– Я назовусь начинающим собирателем. Попрошу консультации. Мне известно, как обращаться с коллекционерами. Думаю, мы поладим.

– Договорились, – кивнул Туровский. – Я попрошу Катю приютить тебя на день-два. Уложишься?

– Надеюсь.

– Тогда оставь меня наедине с моими мыслями. Хочу отдохнуть.

– У меня есть еще вопросы.

Борис Евгеньевич поднял на него тяжелый взгляд и вздохнул.

– Даю тебе пять минут, не больше.

В номере стоял полумрак. На тумбочке горела настольная лампа, пахло деревом, дорогой кожей и женскими духами с привкусом фиалок. Видимо, здесь побывала Катя.

– Моя задача ограничивается только флиртом с вашей дочерью?

– Это главное. Но если тебе удастся вывести на чистую воду моего зятя, я буду чрезвычайно признателен.

Он сделал ударение на двух последних словах и подкрепил их характерным жестом, обозначающим денежный эквивалент своей признательности.

– Мой гонорар и так достаточно высок.

– Ты не гонишься за выгодой? – недоверчиво произнес Туровский.

– Работа должна приносить не только деньги, но и удовольствие.

– Это как раз тот случай, – криво улыбнулся бизнесмен. – У тебя все?

– Нет. В чем вы подозреваете Прозорина?

Туровский помолчал и сделал рукой отрицательный жест. Чертами лица, повадками он отдаленно напоминал Катю. Вероятно, когда ей будет за пятьдесят, она обретет такую же статью и неторопливое достоинство.

– Пусть мои подозрения останутся при мне, – заявил он. – Ты составь собственное, непредвзятое мнение о Сергее. Я могу быть необъективным.

– Прозорин вам не нравится?

– Скажем так, он не достоин моей дочери. Он не сделал ее счастливой... и уже не сделает.

– Почему бы вам не объяснить это Кате?

– Она не станет меня слушать. Тем более, я сам инициировал ее брак с Прозориным. Вернее, согласился с предложением партнера по бизнесу. Тогда я поставил интересы дела выше чувств моей девочки и просчитался.

– Решили, что стерпится – слюбится? Но ведь Катя полюбила мужа.

– Я виноват перед ней, – признал Туровский. – И хочу исправить ошибку, не причиняя ей боли.

– Понимаю. И последнее. Когда я встретил Катю на дороге, она направлялась в пансионат со стороны Вереи. Почему не из «Дубравы»?

Борис Евгеньевич вздохнул, раздраженный дотошностью Лаврова.

– Какая тебе разница, откуда она ехала? Ладно, черт с тобой. Моя дочь иногда посещает церковь в Верее.

– Она верующая?

– Не то чтобы очень.

– Что же Катя делает в церкви?

– Вероятно, ищет утешения...

* * *

Катя закрылась в номере, отключила телефон. Ей хотелось побыть одной в тишине и свете месяца, проникающего сквозь жалюзи в темноту спальни. Лунный серп казался ей пришельцем из иного мира, загадочного, как восточные сказки. Такой же сказкой когда-то стало для нее замужество.

Катя вспомнила свою свадьбу с Прозориным. Она была тогда совсем юной и неопытной. Только-только со школьной скамьи. Подол ее белого платья из кружев несли два милых кудрявых ангелочка. Катя думала, что ангелы будут сопровождать ее всю жизнь, оберегая от невзгод.

Несмотря на деньги отца, ее воспитывали в строгости. Она вышла замуж невинной, далекой от порочных интересов своих сверстников. Двадцатилетний муж казался ей воплощением мечты каждой девушки – стройный красавец, умница, единственный наследник приличного состояния.

Катя полюбила его не с первого взгляда. Но – полюбила. Была весна, цвели тюльпаны, пахло зелению и дождем. Ее сердце открылось для нового трепетного чувства.

Сергей обращался с ней робко и бережно. Им все было в диковинку, во вкус – и первый поцелуй, и обручальные кольца, и первая ночь, и наивные обещания, данные друг другу торопливым смущенным шепотом.

Каким-то чудом они не лишились нравственной чистоты, которая в нынешние времена стала редкостью. Молодая страсть подхватила супругов и понесла к неведомым берегам. Они были уверены, что – к счастью.

Студенческие годы пролетели, словно в угаре. Туровский хотел, чтобы дочь получала образование за границей, но дед Сергея неожиданно воспротивился. Его внук уже перешел на третий курс университета, а где муж, там и жене быть должно.

Катя была только рада этому. В Гарварде или Оксфорде диплом просто так не дадут, надо корпеть над книгами. Это в Москве можно бить баклуши и все равно стать «специалистом». Тяга к знаниям у Кати напрочь отсутствовала, зато она родилась в обеспеченной семье, и ей не грозила необходимость зарабатывать себе на хлеб.

Незаметно отшумела, отцвела Катина весна.

Она очнулась только в «Дубраве», когда впервые за несколько лет ощутила... скуку. То, что люди живут в трехмерном мире, оказалось не пустыми словами. Все имеет здесь три стороны: хорошую, плохую и третью, скрытую.

Такая завидная штука, как праздность, обернулась для Кати тоскливым унынием. Некуда себя деть, нечем заняться. Выяснилось, что усталость наступает не только от работы, но и от безделья. Кроме того, у праздности обнаружился еще и третий аспект. Не приложенная ни к чему жизненная энергия молодых супругов вдруг потекла в темное русло.

Этим объяснялась и жажда приключений, томившая Катю, и появление в «Дубраве» мрачной и зловещей личности – Федора-Франческо. Последний обосновался в подземелье хозяйского дома и увлек Прозорина некими сомнительными научными опытами. Что за опыты ставили мужчины в своей лаборатории, Катю не интересовало. Ее злила и оскорбляла лишь привязанность мужа к Федору, которая становилась все более двусмысленной.

Проявлением «третьего аспекта» являлся и ее флирт с новым знакомцем, Романом Лавровым.

Катя все еще любила мужа, но уже подспудно желала отомстить ему. Она созрела для новой страсти. Между нею и Лавровым пробежал необъяснимый флюид, способный воспламенить то, что стало невостребованным в браке. Некий психический ток вырвался за пределы Катиной орбиты, и его нельзя было вернуть назад, аннулировать. Так вспыхнувшая молния прочерчивает небо и вызывает грозовой ливень. Можно ли удержать его?

Этой ночью в гостиничном номере перед Катей прошла вся ее замужняя жизнь. Она убедилась, что любовь, которая казалась бесконечной, на самом деле – быстротечна. Что после самых сладких снов неизбежно наступает пробуждение. Что герой может обернуться врагом. Что самое святое и незыблемое порой рушится. И потерпевший крушение судорожно цепляется за оставшиеся обломки.

Утром Катя смутно помнила мысли, одолевающие ее в полусне. Она страдала, но страдания эти казались ей теперь, при свете солнца и блеске снега за окнами, надуманными и несерьезными.

За завтраком отец попросил ее взять с собой в «Дубраву» господина Лаврова. Тот-де интересуется книгами и наслышан о коллекции Прозорина.

– Да ради бога, – легко согласилась Катя. – Муж с удовольствием покажет ему свои сокровища.

Она восприняла это за предлог, изобретенный Лавровым для визита в поместье.

– Он не стеснит вас? – вскользь осведомился Туровский.

– У нас большой дом. Места хватит.

– Господин Лавров сможет пожить у вас пару дней?

– Хоть неделю.

Катя улыбнулась, представляя себе вытянутое лицо мужа. Вряд ли ему понравится гость. Зато ей будет весело.

– Кто он, этот Лавров? – спросила она, опустив глаза в тарелку с сырниками.

– Бизнесмен, коллекционер. Холостяк, между прочим. Вы ведь знакомы.

– Чисто случайно, как тебе известно, папа.

– Надеюсь, твой муж не станет ревновать...

Глава 10

Черный Лог

Глория вновь видела свой повторяющийся сон. Она шла по анфиладе комнат, открывая дверь за дверью... пока не очутилась в саду. Узкие тропинки смыкались и расходились в стороны. Между деревьями виднелись факелы. Они освещали путь.

Тропинка привела Глорию на поляну с высокой каменной башней. Сверху летели камни.

– Осторожно! – воскликнул летящий вслед за ними король. Он падал вниз головой, но корона странным образом держалась на его кудрях.

– Вы разобьетесь... – ахнула Глория.

– Поделом мне, – отозвался король.

Он как бы завис в воздухе, хотя ему давно пора было свалиться на землю.

Из маленьких бойниц-окошек башни вырывались языки пламени. Внутри бушевал пожар.

– Горим! Горим! – кричали невидимые обитатели башни.

Никто не спешил к ним на помощь. Король продолжал падать вниз. Глория не могла оторвать застывшего взгляда от этой картины. Ей невольно вспомнилось другое пламя: костер на площади и трое приговоренных к сожжению еретиков, один из которых – маршал Франции.

– Огонь играет главную роль в этой истории! – прошептала она, не отрываясь от горящих руин башни. – Некий великий замысел потерпел крушение. Некая великая мечта не сбылась. Некая большая любовь принесла лишь страдания и смерть.

Прозрение длилось всего секунду, но этого оказалось достаточно.

Глория молча повернулась и побрела прочь по аллее из апельсиновых деревьев. Никого не было рядом с ней – ни карлика, ни хозяина загадочного парка, ни дворецкого. Тихо шелестела листва, шуршал под ногами песок. Луна спряталась за облака, и все погрузилось во мрак...

Где-то вдали звучали голоса, бряцало оружие, ржали кони. Глория шла на звуки и скоро очутилась на поляне, среди странно одетых людей. Кажется, это были солдаты. Никто не обращал на нее внимания, зато она все видела и слышала.

На краю поляны у костра сидели два облаченных в латы человека, вели неторопливую беседу. Лицо одного из них было миловидным и безбородым. Второй, хотя тоже был молод, выглядел суровым воякой. Бородка и усы подчеркивали его мужественность.

– Ты родилась в Домреми? – спросил он, и Глория догадалась, что юный рыцарь – девушка.

– Да. Сама Святая Колетта побывала у моей колыбели и оставила мне в дар вот это, – она протянула собеседнику золотое кольцо. – На нем вырезаны три креста и надпись «Иисус, Мария». Я всегда ношу его с собой.

Воин с благоговением разглядывал кольцо.

– Ты в самом деле *посланница*?

– Верь мне, Жиль, – кивнула девушка. – Я говорю правду. Когда мне исполнилось тринадцать, я услышала голоса архангела Михаила, святой Екатерины и Маргариты. Потом они являлись мне и говорили со мной. Я узнала, что призвана снять осаду Орлеана, возвести дофина Карла на престол и освободить наше королевство от англичан. Могла ли я послушаться их?

– Что же ты сделала, Жанна?

– Отправилась к капитану де Бодрикуру и объявила о своей миссии. Меня подняли на смех!

– Еще бы, – тряхнул головой Жиль.

– Мне пришлось вернуться в деревню. Но через год я снова встретила с капитаном. Вероятно, его поразила моя настойчивость, потому что на сей раз он выслушал меня внимательно и потребовал подтверждения моей избранности. Я предсказала поражение французов в очередной битве под стенами Орлеана. Когда мои слова в точности сбылись, капитан призвал меня к себе, дал мужскую одежду и людей, которые должны были сопровождать меня в Шинон⁴, к нашему королю.

– Я слышал, дофин устроил тебе испытание.

– Он скрылся от меня в толпе придворных, – улыбнулась Жанна. – А вместо себя посадил на трон другого. Я без труда узнала Карла и объявила ему: «Любезный сеньор, я прибыла к вам по воле Небес. Дайте мне войско, и я поведу его к победе!»

Глория обомлела. Молодые люди говорили по-французски, но она все понимала. Выходит, она оказалась в пятнадцатом веке и присутствует при разговоре Жанны д'Арк и ее верного сподвижника Жилья де Рэ.

– Дофин передал мне командование армией, – добавила девушка. – И я повела французов на Орлеан. Для меня изготовили доспехи и хоругвь. А меч я взяла в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа. Он принадлежал самому Карлу Великому⁵.

Жиль с нежностью смотрел на ее профиль и волосы, в которых играли багряные отсветы костра. Жанна была невинна, по-девичьи мила. Не верилось, что она командует целым войском.

Измученные, уставшие от поражений французские солдаты и офицеры с воодушевлением подчинились *божьей посланнице*. После победы под Орлеаном Жанну прозвали Орлеанской Девой. Ей поклонялись, словно святой. Ее обожали и беспрекословно слушались. Она вернула вооруженным мужчинам храбрость, а соотечественникам – веру в благоприятный исход войны.

То, что Жанна была девственна, придавало ее образу особую прелесть. Жиль, приставленный к ней дофином, чтобы оберегать и наставлять ее, начал испытывать к юной воительнице нечто большее, чем преданность и восхищение. Он сам не подозревал, насколько глубоко его чувство. Он никогда не переживал ничего подобного.

Возможно, это была любовь, воспетая в рыцарских романах и прославляемая трубадурами.

– Ты именем Бога подтвердила законнорожденность Карла и его права на престол, в чем многие сомневались, – сказал он, подбрасывая хворост в огонь. – Скажи, откуда у тебя эта уверенность?

– Не знаю. Меня ведет незримая рука, которой я не в силах противиться.

Жиль вздохнул, глядя на костер.

– Как ты думаешь, мы сумеем взять приступом укрепленные англичанами замки на Луаре?

– Сначала падет Жаржо, потом мы возьмем Мен-сюр-Луар и Божанси, – просто сказала Жанна. – А в битве при Пате разгромим английскую армию. Карл будет миропомазан и коронован в Реймсе в моем присутствии. Я обещаю.

Жиль молчал, потрясенный ее словами и той непоколебимой верой, которую выказывала эта скромная деревенская девушка. Она и впрямь – *посланица*. Иначе как ей удастся в короткие сроки решать самые невыполнимые задачи?

Жиль де Рэ вырос прилежным католиком. Его вера зиждилась более на традициях, нежели на убеждениях. Встреча с Жанной сделала его мистиком. Никогда прежде ему не дово-

---

⁴ Замок Шинон – в марте 1429 года резиденция дофина Карла, где он впервые встретился с Жанной.

⁵ Карл Великий – (ок. 742–814), легендарный король франков и лангобардов, один из величайших правителей в истории.

дилось воочию видеть святых. Плотское чувство, которое пробудила в нем Жанна, жгло ему душу. Он презирал и ненавидел себя за это.

С реки тянуло прохладой. Тихо плескалась вода. Солдаты поили лошадей, невнятно переговаривались. Над костром поднимались снопы искр. В какой-то момент Жилю показалось, что над головой Жанны появился сияющий нимб, а в предрассветном небе зазвенели трубы архангелов.

– Ты чего-нибудь боишься? – спросил он.

– Огня, – отрывисто вымолвила Жанна и содрогнулась. – Не люблю огонь.

– Не бойся! – воскликнул молодой человек, желая и не смея коснуться ее руки. – Я всегда буду рядом и приду тебе на выручку!

Она печально улыбнулась и сжала в ладони кольцо, подаренное Святой Кошеттой. Жиль не мог вынести ее молчания. Он спросил:

– Кто научил тебя верховой езде и обращению с оружием?

– Всевышний.

– Ты поразила двор в Шиноне навыками игры в кольца и кентен, – продолжал Жиль, чтобы не думать о страшном. – Эти забавы распространены только среди знати.

– Нельзя раскрывать все тайны...

Сухое полено, брошенное в костер, треснуло и плюнуло раскаленными углями в сторону Глории. Она зажмурилась, а когда открыла глаза... то вместо поляны на берегу Луары оказалась в своей спальне.

– Боже! – прошептала она. Слова Жанны о тайне, которую нельзя раскрывать, все еще звучали у нее в ушах...

* * *

Поместье «Дубрава»

Сергей Прозорин изображал радушного хозяина, но Лавров чувствовал, что тот не очень-то рад свалившемуся на голову гостю.

Катя извинилась и ушла к себе, а ее супруг повел «начинающего коллекционера» в библиотеку на втором этаже дома. Это была просторная комната, обставленная мебелью из мореного дуба. На стенах между книжными шкафами висели портреты Данте Алигьери, Шекспира и Сервантеса.

Лавров притворно восторгался количеством книг, чем вызвал на лице Сергея саркастическую гримасу.

– Катерина Борисовна хвалилась, что вы владеете не только уникальными дореволюционными изданиями, но и древними манускриптами.

Прозорин не стал этого отрицать и подвел гостя к шкафу, который отличался от прочих массивными дверцами.

– Самое ценное я храню в сейфе, – сообщил он, открывая дверцы. – Впрочем, каждый определяет ценность той или иной вещи в соответствии с собственными суждениями.

За дверцами оказался сейф. Хозяин загородил собою панель и набрал код. Лавров молча наблюдал за его действиями.

Металлическая дверка беззвучно распахнулась, и Прозорин достал из сейфа несколько потрепанных пожелтелых фолиантов.

– Что вас интересует? – обернулся он к Лаврову. – Эти раритеты собирал мой покойный дед. Он занимался фармацевтическим бизнесом. Тут народные рецепты славян, лекарственные средства, применяемые в восточной медицине. Есть даже справочник, составленный учениками Парацельса. Вы знаете латынь или арабский?

– Нет.

– К сожалению, я тоже.

– Неужели это подлинники? – удивился Роман.

– Вряд ли. Но книги очень старые. Мой дед долгие годы посвятил истории изготовления лекарств. Он был настоящим фанатом. Кроме того, он углубленно изучал нашу родословную и сам составил генеалогическое древо Прозориных.

– Я бы взглянул на ваше родовое древо.

– Нет ничего проще, – улыбнулся хозяин. – Я заказал большую схему на ватмане. Там все расчерчено и расписано. Не надо далеко ходить. Она висит в моем кабинете.

С этими словами он поманил гостя за собой.

Кабинет Прозорин обустроил в смежной с библиотекой комнате, только мебель здесь была более светлых тонов. Напротив письменного стола висела картина, написанная маслом. На ней был изображен стройный молодой мужчина в латах, с красивым благородным лицом.

– Это Жиль де Рэ, – пояснил хозяин, заметив интерес Лаврова к портрету. – Соратник и близкий друг Жанны д'Арк.

Рыцарь стоял, гордо выпрямившись; одна его рука упиралась в бок, а второй он держался за меч. Его железный шлем с забралом лежал рядом на камне.

– Идите сюда, – позвал гостя Прозорин. – Вы хотели взглянуть на древо.

Он шагнул к нише, завешенной куском бархата. Отдернув бархат, хозяин кабинета показал Лаврову схему – тщательно вычерченную, с каллиграфическими надписями и рисунками гербов и вензелей.

– Ого! – притворно восхитился гость.

Сергей просиял и, тыкая пальцем в кружочки и квадратики с фамилиями и титулами, пустился в пространные рассуждения о своих предках.

Роман с трудом сдерживал зевету. Он пытался найти сходство между этим рослым молодым мужчиной и хромым графом де Пейраком из фильма, презентованным ему Туровским. Ничего общего.

Краем уха он успел уловить фамилию Монморанси и вклинился в монолог хозяина:

– Какие Монморанси? Неужели те самые?

– Знатный французский род, – расцвел Прозорин. – Через них мы фактически породнились с Жилем де Рэ.

– С тем рыцарем? – повернулся Лавров к портрету мужчины в латах.

– Жиль де Рэ! – с удовольствием повторил хозяин дома. – Национальный герой Франции... несправедливо осужденный и покрытый позором. Он был казнен и предан забвению. Его имущество растащили, архивы уничтожили. Каким-то чудом удалось спасти крохи...

На этом он запнулся и отвел глаза. Лавров обрадовался, что наконец сможет перевести разговор в нужное русло.

– Я слышал, ваш дедушка приобрел прижизненное издание сочинений Пушкина, – заметил он.

Прозорину не сразу удалось переключиться. Он витал мыслями где-то далеко от библиотеки и нежданного гостя. Но этикет и природная вежливость принуждали его поддерживать светскую беседу и развлекать Лаврова. Не так уж часто тесть обращался к нему с просьбами. Ему не хотелось показаться неблагодарным.

Мужчины вернулись в библиотеку и долго рассматривали и обсуждали книги. Обоим было скучно, но оба продолжали эту игру.

Большие напольные часы пробили полдень, и хозяин предложил Лаврову прогуляться вокруг дома.

– Скоро обед, – сообщил он. – Перед едой не мешает подышать свежим воздухом.

Гость склонил голову в знак согласия.

Во дворе он не заметил ни собак, ни камер наблюдения и сказал об этом Прозорину.

– Вижу, вы не боитесь за свою коллекцию.

– О ней мало кто знает, – ответил тот. – Я не приглашаю в дом кого попало. Прислуга проверена. Кроме того, у меня есть два охранника.

– Всего два?

– Этого достаточно. Мы с женой переселились в «Дубраву», чтобы удалиться от суеты. Какой же смысл нанимать кучу людей, которые будут создавать проблемы?

– Вы правы.

Лавров вдруг сообразил, что хозяин дома больше походит на рыцаря с картины, чем на героя любовного романа про Анжелику. Тот же рост, та же фигура, те же черты лица и усики над верхней губой.

За домом росли сосны и молодые березки. Хозяева использовали природный ландшафт, вместо того чтобы насаждать искусственный. Казалось, здание окружено лесом, в котором проложены пешеходные дорожки и аллеи.

– У вас тут чудесно, – сказал Лавров. – Всюду снег, тишина. Пахнет дымком. Неужели печка топится?

Он заметил, что сбоку к дому пристроен дымоход, ведущий из подвала. Из него-то и шел дым.

– Это в цокольном этаже, – подтвердил Прозорин. – Там у нас печка.

– Дровами топите?

– Да, – не стал распространяться хозяин.

С задней стороны дома Роман увидел железную пожарную лестницу. Вряд ли она была предусмотрена в проекте.

– У меня дача сгорела, – пояснил наличие лестницы Прозорин. – И тогда я решил усилить меры безопасности. Мало ли, что может случиться.

Гость одобрительно кивнул, хотя его посетила противоположная мысль. Такой лестницей могли воспользоваться недоброжелатели, чтобы проникнуть в дом через окна. Видимо, хозяин больше опасался пожара, чем ограбления.

– Ваша жена не скучает в этой глуши?

– Надеюсь, что нет.

Лавров исподволь поглядывал по сторонам. Не покажется ли загадочный Федор-Франческо, который после всего услышанного возбудил его любопытство...

Глава 11

Обед прошел уныло. Прозорин думал о чем-то своем. Гость молчал, бросая мимолетные взгляды на Катю. Та выглядела усталой и удрученной. Возможно, она ждала от него знаков внимания, которых он не оказывал ей.

На десерт кухарка подала творог с фруктами и вишневое желе. Хозяин отказался от сладкого, извинился и вышел из-за стола.

– Теперь мы его до вечера не увидим, – вырвалось у Кати. – Они с Федором будут колдовать над своими пробирками.

– Простите, не понял...

– Муж оборудовал лабораторию в подвале. Мы с ним фармацевты по профессии.

– Вот уж не подумал бы! – улыбнулся Роман. – Микстуры, порошки и мази вам совершенно не подходят.

– Слава богу, у меня нет нужды работать.

– Ваш муж показал мне библиотеку. К моему огорчению, он не продает книги. Я надеялся приобрести хотя бы пару старинных изданий.

– Глядя на вас, не скажешь, что вы любите чтение.

Катю раздосадовало равнодушие Лаврова, который, казалось, приехал сюда ради нее, а сам провел полдня с Сергеем.

– А что вы любите? – спросил он. – Чем вы занимаетесь в этом большом доме?

– Скучаю, – призналась она. – Я согласилась на ваш визит, чтобы немного развлечься. Порой мне не с кем поговорить. Вы ведь составите мне компанию?

– С удовольствием, – кивнул Лавров.

– Вас в самом деле интересуют книги?

– Я напросился сюда не только из-за коллекции. Вы не забыли, что мы ищем маньяка? – с видом заговорщика осведомился гость.

– Маньяка? Здесь, в «Дубраве»?

Глаза Кати расширились, она моргнула и потянулась за бокалом с водой. Два-три глотка, и ее самообладание восстановилось.

– Почему бы нет? – усмехнулся Роман, взбираясь на своего конька. – Маньяк с виду ничем не отличается от обычного человека. Именно поэтому его так трудно поймать.

– Вы коллекционер, бизнесмен или...

– Пусть это останется моей маленькой тайной.

– Все мужчины ужасно таинственны! – фыркнула Катя. – Мой муж, отец, Федор... все просто помешались на тайнах!

Между ними завязался шуточный разговор, приправленный флиртом. Катя развеселилась.

– Вы это серьезно про маньяка? – хихикала она.

– Серьезнее не бывает, – Лавров нарочно нахмурился. – Кто угодно может оказаться душегубом. Тот же Федор... либо один из ваших охранников.

– У нас еще конюх есть.

– Значит, и он – кандидат в маньяки.

– Конюх может, – поразмыслив, подтвердила Катя. – Он целый день предоставлен сам себе. Возится с лошадьми, прибирает в конюшне. Никто не знает, где он на самом деле бывает, когда все думают, что он занят своим делом.

– В первую очередь проследим за конюхом, – кивнул он. – Предоставьте это мне.

– Охотно.

– А Федор? Кто он, кстати? Откуда приехал?

Катя пожалла покатыми плечиками. К обеду она оделась в короткое сиреневое платье с отрезной талией и поясом, подчеркивающим ее стройность. В ушах блестели серьги.

«Хороший признак, – отметил Лавров. – Она явно прихорашивалась, прежде чем спуститься в столовую. И конечно же, не ради мужа».

– Сережа познакомился с Федором в Интернете. Сначала они общались в сети, а потом муж пригласил Федора в гости. Тот пожил у нас немного... и Сережа предложил ему остаться. Они ставят вместе какие-то опыты. Честно говоря, мне все равно, кто этот Федор. Муж ему всецело доверяет.

– А вы?

Этого вопроса Катя не ожидала. Она замешкалась с ответом.

– Я?.. Он вызывает у меня страх!

Она тут же пожалела о вылетевших словах, но было поздно. И Катя пустилась в путаные объяснения.

– Понимаете... Федор очень сблизился с мужем. Они проводят в лаборатории много времени. Федор почти ни с кем не разговаривает, носит темную одежду, словно монах. И вообще он... у него злые глаза! Муж придумал ему прозвище на итальянский манер: Франческо. Но это как раз не удивительно. Меня он тоже называет Катрин. В последние годы Сережа увлекся своими французскими корнями. Заказал портрет какого-то вельможи и повесил у себя в кабинете. Мне это неинтересно.

– Я видел ваше генеалогическое древо, – сказал Лавров. – Впечатляет.

– Это древо Прозориных. Мы с отцом не имеем к их генеалогии никакого отношения. Меня это мало волнует. Зато Сережа страшно озабочен своей родословной. Скажите, какое это имеет значение сейчас?

– По-моему, никакого.

Катя попыталась улыбнуться, но ее губы задрожали и скривились.

– Я знаю бизнесменов, которые гордятся своим дворянским происхождением, – добавил Роман. – Ваш муж не исключение. Быть аристократом входит в моду.

Кате захотелось переменить тему разговора.

– Вы уже видели гостевую комнату? – спросила она.

– Я отнес туда вещи.

– Вам будет там удобно, – сказала хозяйка, давая понять, что доверительная беседа окончена. – Можете отдохнуть после обеда.

– Я, собственно, не устал. Но переодеться не помешает. Выйду, прогуляюсь по лесу.

Наверное, Катя ждала приглашения на прогулку, которого не последовало.

– В пять часов подадут чай, – сухо сообщила она. – А ужинаем мы поздно, в девять вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.